

шіе съ небольшими командами при Игельстромѣ, были схвачены толпою уже «по двухсуточномъ сраженіи при ослабленіи силъ противъ мятежниковъ»¹⁾. Убито и захвачено было строевыхъ лошадей 289 и 35 подъемныхъ—всѣхъ 324. Въ послѣдствіи нѣкоторымъ изъ нижнихъ чиновъ удалось бѣжать изъ плѣна. Такъ, 16 октября бѣжалъ и присоединился къ полку штабъ-трубачъ Осипъ Андинскій. Онъ далъ подробное показаніе о времени, проведенномъ въ плѣну въ Варшавѣ. Къ великому сожалѣнію, показанія этого въ дѣлахъ не оказалось, изъ рапорта только видно, что оно «при семъ прилагалось»²⁾.

Бѣжали также раньше еще вахмистръ Леонтовскій и рядовые—Носковъ, Бѣликъ и Калликъ. Убѣжавъ изъ Варшавы, гдѣ ихъ содержали подъ строгимъ надзоромъ, они пристали вначалѣ къ Херсонскому легкоконному полку и были зачислены въ этотъ полкъ, что тогда дѣлалось легко и зависло только отъ командира. Но они неотступно просили, чтобы ихъ отправили въ свой полкъ, чего, послѣ долгихъ усилій, и добились³⁾. Видимо въ то время, столь тяжелое для жизни солдата, въ Харьковскомъ полку жилось хорошо, если нижніе чины вернуться въ него такъ рвались³⁾.

Выйдя изъ города, Игельстромъ направился въ прусскія владѣнія, въ г. Закрочимъ (на Вислѣ, не далеко отъ Новогеоргиевской крѣпости) и только 9 числа узналъ объ участи войскъ, вышедшихъ изъ Варшавы и направившихся въ противоположную отъ него сторону. Къ нему въ Закрочимѣ начали собираться войска, съ которыми (7 тысячъ) онъ и расположился послѣ въ г. Ловичѣ (Варшавская губ. надъ р. Бзурою).

По сосредоточіи войскъ въ Ловичѣ, Харьковскій полкъ былъ расположенъ на квартирѣ въ м. Равѣ (Петроковской

что «по разстройству» не можетъ представить вполне обстоятельной вѣдомости. (Мѣс. рап. полка).

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Мос. арх. оп. 196, № 5.

³⁾ Ibidem.

губ.), на тогдашней прусской границѣ. Временно принять былъ полкъ, по приказавію Игельстрорма, Бригадиромъ Федоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ. Въ Равѣ Харьковцы простояли до іюля, приводи въ исправность и комплектъ все, что было потеряно во время варшавской революціи. Потерялъ же полкъ всѣ письменныя дѣла, которыя были захвачены съ бывшими при нихъ служителями¹⁾, лишился также обоза, денежнаго ящика, всѣхъ своихъ мундирныхъ, амуничныхъ и другихъ вещей, составлявшихъ его матеріальную и хозяйственную часть. Солдаты, выскакывая поспѣшно при первыхъ ударахъ набата и спѣша на сборные пункты, побросали все свое имущество и остались поэтому только въ томъ, что было тогда надѣто на нихъ. Офицеры потеряли все свое имущество. Бѣдственное положеніе полка, потеряшаго такъ много, усилилось еще тѣмъ, что во весь 1794 годъ нижніе чины не получали годовыхъ, амуничныхъ и срочныхъ вещей; даже не получили жалованія за майскую треть, а, равнымъ образомъ, и за сентябрьскую прошлаго, 1793 года²⁾. Въ донесеніи своемъ Генераль Ферзенъ, говоря объ этомъ, замѣчаетъ, что, не смотря на все то, онъ не можетъ нахвалиться тѣмъ бодрымъ духомъ, тою охотою и терпѣніемъ, съ которою войска его корпуса (съ іюля Харьковскій полкъ былъ уже подъ его командою) переносили всѣ лишения и недостатки. По рапортамъ полка за апрѣль показано, что требовалось въ добавку 187 человекъ нижнихъ чиновъ и 401 лошадь (23 подъемныхъ). Главнымъ образомъ, полкъ понесъ громадную потерю въ лошадяхъ, которую скоро пополнить путемъ покупки было трудно въ странѣ, такъ сильно истощенной безпрестанными войнами и безпорядками. Всѣхъ пѣшихъ нижнихъ чиновъ выдѣлили въ особый пѣший эскадронъ, который и былъ очень долго. Объ этомъ эскадронѣ упоминается еще въ мѣсячныхъ рапортахъ полка за сен-

¹⁾ Мѣс. рап. полка за февр. 1795 г.

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1221.

тябрь мѣсяцъ этого года; онъ подъ командою Поручика Ковалевскаго находился тогда при провіантской комисіи, бывшей при корпусѣ ¹⁾).

Еще во время самой революціи варшавяне поручили президенту города Закжевскому гражданскую власть, а генераламъ Макроновскому и Заревскому ввѣрили военную. Король во все это время сидѣлъ тихо въ своемъ замкѣ. Ему, въ видѣ совѣта, дали 30 человекъ, но его никто не слушался, и на ходъ событій онъ не имѣлъ ровно никакого вліянія. Положеніе русскихъ плѣнныхъ въ первое время было очень опасное. Эти несчастные, пораженные по разнымъ мѣстамъ, ежечасно ожидали смерти, которой требовали варшавяне, разсвирѣпѣвшіе, подобно дикимъ звѣрямъ, отъ вида пролитой крови. Такъ, въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ ухода русскихъ, партію плѣнныхъ хотѣли перевести изъ одной переполненной уже тюрьмы въ другую. Вслѣдствіе происшедшаго по какому-то поводу спора между плѣнными и стражею первые были перебиты набросившимся народомъ. Не довольствуясь этимъ и требуя все новыхъ жертвъ, чернь устремилась было къ арсеналу, намѣреваясь перебить заключенныхъ тамъ плѣнныхъ. Къ счастью, власти успѣли отстоять и не допустить этого новаго злодѣяства. Въ день Пасхи плѣнныхъ водили по улицамъ и ругались надъ ними ²⁾). Имъ угрожала большая опасность, жизнь ихъ висѣла каждую минуту на волоскѣ, ибо въ городѣ тогда шли большія волненія и распри.

По выходѣ русскихъ изъ Варшавы, была назначена поляками депутація сдѣлать ревизію архива, найденнаго въ разграбленномъ инсургентами дворцѣ Игельстрома. Депутація нашла въ немъ письма и документы, свидѣтельствовавшіе о сношеніи польскихъ магнатовъ съ русскимъ правительствомъ, а въ расходныхъ книгахъ посланника собственноручныя рас-

¹⁾ Мос. арх. Годовой отчетъ за 1794 г.

²⁾ Н. Костомаровъ. Пос. годы Рѣчи Пос. т. II, ст. 493.

писки въ полученіи русскаго золота гетмановъ Ожаровскаго и Забѣллы, инфлянтскаго епископа Коссаковскаго, маршала рады Анткевича и нѣкоторыхъ другихъ. Эти личности, подозрѣваемые и ранѣе того сторонниками Россіи, были арестованы въ первый еще день революціи и содержаны поцѣ стражею. Въ Варшавѣ вечеромъ 26 апрѣля (8 мая) произошли новые беспорядки, поднятые сторонниками Анткевича изъ желанія освободить его; это и ускорило развязку. Волненіе приняло большіе размѣры, чернь требовала казни противниковъ возстанія. Для успокоенія народа и прекращенія беспорядковъ власти поспѣшили покончить съ арестованными. При свѣтѣ факеловъ (27 апр.) были построены три виселицы предъ ратушею на Старомъ Мѣстѣ, а четвертая на Краковскомъ Предмѣстіи предъ костеломъ Оо. Бернардиновъ.

На другой день тысячи народа собрались на площадѣ предъ ратушею, куда привели и обвиняемыхъ. Судъ три часа разбиралъ это дѣло, призналъ ихъ виновными и постановилъ повѣсить гетмановъ, епископа и маршала. Узнавъ о томъ народъ, терпѣливо стоявшій все это время въ ожиданіи, радостными криками выразилъ свое одобреніе. Исполненіе приговора послѣдовало тотчасъ-же. Призваны были оо. Капуцины приготовить осужденныхъ къ смерти. Послѣ исповѣди, повторенной иными нѣсколько разъ, Ожаровскій, Забѣлло и Антквичъ были повѣшены противъ ратуши, Коссаковскій-же на Краковскомъ предмѣстіи противъ костела ¹⁾). У епископа было много сторонниковъ. Опасались, чтобы они не отбили его. Поэтому виселица и была поставлена около самаго костела, чтобы, по совершеніи въ немъ обряда лишенія сана, не нужно было-бы вести его далеко, а повѣсить тутъ-же.

Волненія и шумъ, происходившіе по этому смучаю, представляли трепетать нашихъ плѣнныхъ, не знавшихъ причины и считавшихъ, что этотъ шумъ — крики черни,

¹⁾ Korresp.... ст. 801—803, Oredownik naukowy 1842 г., ст. 369.

требовавшие ихъ смерти. Впрочемъ, они скоро были утѣшены вопедшими къ нимъ поляками, которые сказали: «Москали, не бойтесь, вамъ не будетъ худо. Вы — честные и храбрые люди, вы служили своему отечеству и своей государынѣ. Если-бы у насъ были подобные вамъ, то и васъ-бы у насъ не было» ¹⁾. Съ этого времени положеніе плѣнниковъ сдѣлалось много лучше. Этимъ они были обязаны, главнымъ образомъ, Костюшкѣ, который писалъ и требовалъ, чтобы съ плѣнными обходились хорошо. Онъ далъ большой нагонный варшавинамъ, за то злодѣйство, которое они учинили въ день Пасхи. Президентъ города Закжевскій предписаніемъ своимъ отъ 26 (8 мая) апрѣля назначилъ особую депутацію, которой поручался надзоръ и забота за русскими плѣнными. Имъ положено было опредѣленное содержаніе: Г. Милошевичу, какъ раненному и требовавшему удобствъ, были назначены два человѣка для услугъ, и отпускалось въ день по 18 злотыхъ (на наши деньги 2 р. 70 к., для того времени сумма значительная). Прочимъ здоровымъ генераламъ и бригадирамъ по 9 злотыхъ, полковникамъ, подполковникамъ и майорамъ—6; ротмистрамъ и капитанамъ—3; поручикамъ, подпоручикамъ и хорунжимъ—2. Унтеръ-офицерамъ 15 грошей, большимъ рядовымъ 12 и здоровымъ по 10 грошей въ день ²⁾. Положеніе плѣнныхъ улучшилось вообще, съ ними стали обходиться вѣжливо, а главное, назначили для нихъ священника, Савву Пальмовскаго, и разрѣшили ему отправлять для нихъ даже православное Богослуженіе ³⁾.

Возстаніе возгорѣлось во всей Польшѣ и Литвѣ. Революція вспыхнула, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, Люблинѣ, въ Гроднѣ, Хелмѣ и въ другихъ городахъ, и война возгорѣлась снова.

¹⁾ Н. Костомаровъ. Пос. г. Рѣчи Пос. т. II, ст. 529.

²⁾ Kongresp. 825.

³⁾ Н. Костомаровъ. Пос. годы Рѣчи Пос. II, 529.

Глава X.

Смѣна начальства.—Мелкія стычки.—Соединеніе русскихъ войскъ съ прусскими.— Безуспѣшная осада Варшавы.—Отступленіе.—Переправа чрезъ Вислу.—Силы Косцюшки.—Расположеніе поляковъ.—Наступленіе русскихъ.—Сраженіе при Мацеювицахъ.—Побѣда.—Потери.—Значеніе Мацеювицкой битвы.—Плѣнъ Косцюшки.—Биографія Лисенки.—Отличія его.—Обстоятельства, сопровождавшія плѣненіе Косцюшки.—Награды.—Неудача Лисенки.—Попытка Атамана Денисова.—Дальнѣйшая судьба Лисенки.

Императрица Екатерина была недовольна дѣйствіями Игельстрома. Благодаря его безпечности, допустившей разразиться революціи, слѣдствіемъ которой была потеря Варшавы, положеніе русскихъ войскъ въ Польшѣ дѣлалось непрочнымъ, утратилось вліяніе нашего правительства и событія затянулись на долго. На его мѣсто (20 апр.) былъ назначенъ Г.-Ан. Кн. Репнинъ, командовавшій предъ тѣмъ корпусомъ войскъ, расположеннымъ отъ г. Минска до г. Риги. По независимымъ отъ него обстоятельствамъ, Репнинъ очень долго не пріѣзжалъ въ Польшу, руководя дѣйствіями арміи изъ Риги. Въ мѣсто Апраксина назначенъ былъ также Г.-П. баронъ Ферзенъ. И этотъ генералъ не скоро могъ явиться къ мѣсту своего назначенія. Всѣ войска послѣ выхода ихъ изъ Варшавы остались, собственно, безъ начальника, такъ какъ Игельстромъ былъ удаленъ до прибытія Ферзена. Это, конечно, очень неблагоприятно отразилось на ходѣ военныхъ дѣйствій. Старшимъ среди бывшихъ тогда генераловъ являлся Денисовъ, котораго сама Императрица считала, хотя и храбрымъ, но неспособнымъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ. Благодаря всѣмъ этимъ неблагоприятнымъ условіямъ, время тянулось въ бездѣйствіи. Хотя 24 мая надъ Костюш-

кою была одержана побѣда у Щекоцина, но побѣда не полная, кончившаяся отступленіемъ поляковъ въ порядкѣ къ Опатову. Полкъ Харьковскій не участвовалъ въ этой битвѣ. Небольшія его команды схватывались иногда съ партіями польскихъ партизановъ, съ которыми приходилось встрѣчаться, производя фуражировки. Такъ, 2-го мая при м. Новомъ Мѣстѣ въ стычкѣ было убито и ранено 4 лошади, а 1 іюня, въ дѣлѣ при м. Песочномъ, убито 2 лошади. Во время фуражировки 15 іюля около м. Варкѣ (на р. Пилицѣ, впадающей въ Вислу), куда направлена была небольшая команда подъ начальствомъ Поручика Кіевскаго гренадерскаго полка Заболотьева, было убито 6 нижнихъ чиновъ Харьковскаго полка ¹⁾).

Между тѣмъ, пруссаки открыли также военныя дѣйствія противъ поляковъ. Прибывшій къ мѣсту своего назначенія баронъ Ферзенъ соединился съ войсками, бывшими подъ личнымъ начальствомъ короля Фридриха Вильгельма. Союзники пошли къ Варшавѣ и осадили ее. Въ числѣ войскъ корпуса барона Ферзена находился и Харьковскій полкъ, состоя въ бригадѣ Г.-М. Рахманова.

На штурмъ польской столицы союзники идти не рѣшались, такъ какъ она была къ тому времени сильно укрѣплена Косцюшкою. Къ тому-же, выше и ниже Варшавы по теченію Вислы находились два сильные отряда польскихъ войскъ—одинъ самого диктатора, другой Генерала Мокроновскаго; отряды эти съ успѣхомъ могли-бы дѣйствовать въ тылъ осаждающимъ. Между союзниками пошли недоразумѣнія и несогласія: пруссаки, бывшіе въ болѣе превосходныхъ силахъ (показываютъ ихъ въ 40 т.), хотѣли взвалить на русскихъ всю тягость штурма. Вспыхнувшее волненіе въ недавно присоединенномъ къ Пруссіи (по второму раздѣлу) Познанскомъ воеводствѣ заставило короля снять около 1-го сентября осаду и поспѣшить туда для подавленія без-

¹⁾ Мѣс. рап. пол. Мос. арх.

порядковъ. Русскимъ ничего не оставалось больше, какъ послѣдовать ихъ примѣру, и баронъ Ферзенъ, отступивъ отъ Варшавы, двинулся вверхъ по лѣвому берегу Вислы съ цѣлью переправиться гдѣ либо въ удобномъ мѣстѣ и идти на соединеніе съ войсками Суворова, который въ то время, громя по дорогѣ поляковъ, несся форсированнымъ маршемъ изъ Немирова въ Брестъ. Харьковскій полкъ былъ, видимо, посланъ ранѣе ухода Ферзена изъ -подъ Варшавы, ибо 1-го сентября онъ уже находится въ м. Магнушовѣ, въ 170 верстахъ отъ столицы, вверхъ по теченію Вислы.

Полякамъ по этому было важно не допустить Ферзена переправиться на правый берегъ Вислы, почему Косцюшко поручилъ Г. Понинскому, у котораго было около 4—5 т. человекъ ¹⁾, наблюденіе за русскими. Такимъ образомъ, Ферзену, предъ которымъ лежала широкая и плодородная рѣка, оберегаемая къ тому-же сильнымъ отрядомъ, предстояло рѣшить далеко не легкую задачу. Дѣло еще усложнялось тѣмъ, что на мѣстѣ не было никакихъ средствъ для постройки моста, и даже суда пришлось ему послѣ доставлять на подводахъ. И Ферзенъ долго рѣшалъ эту задачу, распуская, съ цѣлью обмануть Понинскаго, ложныя слухи о мѣстѣ переправы.

Войско поляковъ и русскихъ, отдѣленное только широкою рѣкою, долго стояло другъ противъ друга; одно, желая обмануть, другое не даться въ обманъ, не прозѣвать. Сдѣлавъ демонстрацію переправы у Пулавъ (Новая Александрія), Ферзенъ окончательно выбралъ мѣсто у д. Голендры и направилъ туда весь корпусъ. Понинскій поспѣшилъ къ Пулавамъ, хотя приготовленія у д. Голендры не ускользнуло исполнѣ отъ его вниманія: онъ даже увѣдомилъ о томъ Косцюшку. Переправивъ предварительно авангардъ, Ферзенъ подъ его прикрытіемъ приступилъ къ постройкѣ понтоннаго моста. 26 сентября началась переправа и окончилась 28 го ²⁾.

¹⁾ Петрушевскій. Генералиссимусъ Суворовъ из. 1884 г., т. II, оп. 31.

²⁾ Мос. арх. оп. 196, св. 8.

По переходѣ на правый берегъ, русскіе расположились у рѣки, между дд. Врублевъ и Варгочинъ.

Узнавъ объ ошибкѣ Понинскаго, Косцюшко, присоединивъ къ себѣ отряды Княжевича, Сѣраковского (остатки), Заюнчика и др., рѣшился преградить Ферзену путь къ соединенію съ Суворовымъ и разбить его корпусъ, такъ какъ силы ихъ были почти равны. Взятый въ плѣнъ (29 сент.) Станиславъ Дубовицкій (аудиторъ Бѣлякова полка) показалъ: когда вѣсть о разгромѣ польскихъ войскъ Суворовымъ подъ Брестомъ (съ 7 на 8 сент.) достигла до Варшавы, тамъ потребовали отъ Косцюшки рѣшительныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Ему будто-бы даже заявили, чтобы онъ, если не одержитъ побѣды, не возвращался-бы въ Варшаву, гдѣ, подъ влияніемъ послѣднихъ неудачъ, было предъ тѣмъ возстаніе черни, такъ что показаніе Дубовицкаго и является правдоподобнымъ. Повинуясь будто этому требованію, Косцюшко вышелъ изъ Варшавы и прибылъ въ Сѣдлецъ за 2 недѣли до Маціевицкой битвы, (по другимъ источникамъ онъ вышелъ оттуда 24 сент.) и, простоявъ тамъ 2 дня, пошелъ на Луковъ, послѣ на Желеховъ. Съ нимъ было 500 человекъ кавалеріи и тысяча пѣхоты, а съ присоединившимся 24 сентября образовалось 4 тысячи кавалеріи, хорошо вооруженной и на порядочныхъ лошадяхъ, 6500 пѣхоты, всего 10.500 человекъ и 22 орудія ¹⁾.

Простоявъ у Желехова 2 дня, Косцюшко ушелъ оттуда и расположился на лѣвомъ берегу маленькой р. Корытницы, въ 15 верстахъ отъ русскихъ, только что окончившихъ въ тотъ день переправу. Но Косцюшко въ тотъ-же день ушелъ и расположился новымъ станомъ при замкѣ Маціевицкомъ, въ 5 верстахъ отъ м. Маціевицы (Macieowice), недалеко отъ впаденія въ нее р. Окршенки. Замокъ этотъ принадлежалъ Замойскимъ. Наши казаки предъ тѣмъ успѣли уже побывать въ немъ и оставить слѣды своего пребыванія. Пра-

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

вый флангъ поляковъ былъ прикрытъ лѣсомъ, фронтъ — болотомъ, поросшимъ мелкимъ кустарникомъ, лѣвый-же флангъ оставался открытымъ ¹⁾. Позиція, занятая поляками, представляла изъ себя сухое и возвышенное мѣсто, вполне удобное для обороны; только тылъ ея, примыкавшій къ болотистой рѣкѣ, долженъ былъ внушать имъ опасеніе. Русскимъ нужно было или идти въ обходъ, или пробираться болотомъ, прорѣзаннымъ къ тому-же канавами; но оно, хотя и трудно, но все-же было проходимо.

Баронъ Ферзенъ рѣшился «опровергнуть» намѣреніе Косцюшки и, предупредивъ поляковъ, напасть на нихъ. Онъ отдалъ слѣдующую диспозицію: выступленіе корпуса (13—14 тысячъ при 43-хъ орудіяхъ) было назначено въ ночь съ 28 на 29 сентября. Войска праваго фланга 1-ой линіи должны были составить правую колонну и выступить правымъ крыломъ, войска лѣваго фланга — лѣвую колонну и — лѣвымъ крыломъ. Обѣ эти колонны, прійдя до разсвѣта въ назначенное мѣсто, должны были построить фронтъ, правый флангъ котораго примыкалъ бы къ д. Ковеничи, а лѣвый къ Вислѣ — это должно было составить 1-ю линію нашего боевого порядка. Правымъ флангомъ ея назначался командовать Г.-М. Хрущевъ, лѣвымъ — Г.-М. Тормазовъ. Полки 2-й линіи должны были построиться за 1-й, лѣвымъ флангомъ къ Вислѣ; командовать ею поручалось Г.-М. Рахманову. Остальные полки, составивъ резервъ (Г.-М. гр. Толстой) должны были расположиться за 2-ой линіею; въ прикрытіе мостовъ и вагенбурга оставались 2 эскадрона Воронежскихъ гусаръ. Кромѣ того, Г.-М. Денисовъ, стоя съ 28 сентября около д. Павловичи, прикрывалъ своимъ отрядомъ расположеніе русскихъ со стороны Пулавъ, гдѣ находился тогда введенный въ заблужденіе Понинскій. Онъ ко дню сраженія почему-то не присоединился къ Косцюшкѣ, что видно изъ показанія Дубовицкаго ¹⁾, это-же говоритъ и Шлоссеръ. Денисовъ на-

¹⁾ Планъ сраженія. Мос. арх. оп. 200, св. 52.

значался въ обходъ лѣваго фланга поляковъ. Съ разсвѣтомъ онъ долженъ былъ начать канонаду, что послужило бы сигналомъ для всего корпуса, дальнѣйшія дѣйствія котораго ставились въ зависимость отъ приказаній и обстоятельствъ ¹⁾).

Харьковскій легкоконный полкъ, въ рядахъ котораго служилъ будущій плѣнитель Косцюшки, подъ командою Бригадира Энгельгардта, при выступленіи изъ лагеря шелъ въ хвостъ правой колонны, но, при построеніи боевого порядка, поступилъ во 2-ю линію Рахманова (6 баталіоновъ, Харьковскій легкоконный и 3 эскадр. Ахтырскаго полковъ) и былъ поставленъ на правомъ ея флангѣ, на дорогѣ въ д. Ухочь. Согласно отданной диспозиціи, еще предъ разсвѣтомъ, всѣ части корпуса заняли назначенныя имъ мѣста и построили боевой порядокъ. Съ разсвѣтомъ-же быстро пошли въ стану поляковъ и, подойдя на пушечный выстрѣлъ, открыли канонаду.

Г. Ферзенъ приказалъ резерву овладѣть м. Маціевцами, идти вдоль рѣки и очистить лѣсъ, занятый непріятельскими стрѣлками. Это было быстро и въ точности исполнено. Въ это время въ отрядѣ Денисова послышалась стрѣльба, показавшая Ферзену, что онъ вступилъ уже въ дѣло. Диспозиція, повидимому, была нѣсколько измѣнена. Конница Косцюшки первая напала на Денисова и вначалѣ одержала было нѣкоторый успѣхъ, но скоро была, впрочемъ, отброшена назадъ. Завязавшееся здѣсь упорное дѣло привлекло все вниманіе Косцюшки на лѣвый флангъ, что и дало намъ возможность такъ удачно окружить правый. Польская конница, съ которою былъ и Косцюшко, отброшенная на сѣверо-западъ, должна была попасть подъ удары войскъ Рахманова. Слыша, что Денисовъ открылъ уже дѣйствія, Ферзенъ приказалъ Тормазову, приблизивъ лѣвый флангъ къ замку, открыть огонь. Впереди лежащіе по рѣкѣ мосты были испорчены и разбросаны; исправить ихъ было необходимо для обхода непріятеля, что облегчило бы атаку

Тормазова. Поэтому Рахманову было приказано идти со 2-ю линіею въ обходъ чрезъ плотину и остановиться противъ праваго фланга непріятеля, а резерву гр. Толстого, исполнивъ первую задачу, зайти въ тылъ непріятелю. Для исправленія-же мостовъ, или отысканія удобной переправы для 2-й линіи, былъ посланъ Тормазовымъ находившійся при немъ Примьеръ-Маіоръ Харьковскаго полка Каменевъ. Возложенное на него трудное порученіе Каменевъ исполнилъ блистательно: онъ не только нашелъ удобопроходимую дорогу, но ему удалось даже исправить изломанные мосты ¹⁾).

Бой шелъ на всѣхъ пунктахъ; русскіе осыпали поляковъ ядрами и гранатами. Канонада продолжалась долго—часа три. Подойдя-же ближе, открыли убійственный ружейный огонь. Между тѣмъ, 2-я линія, подвигаясь впередъ, подошла къ началу аллеи, ведшей къ замку, и, быстро перейдя рѣку по возстановленнымъ мостамъ, пошла вдоль по ней. Приблизившись къ плотинѣ, она развернулась и начала канонаду. Обстрѣлявъ нѣкоторое время непріятеля и перейдя плотину, не смотря на усиленное сопротивленіе и огонь, Рахмановъ бросился на непріятеля съ сѣверо-западной стороны, атакуя его во флангъ. Поляки были окружены со всѣхъ сторонъ, и русскіе бросились на нихъ въ штыки. Кавалерія, тѣсня нестройныя толпы смѣшавшагося непріятеля, производила страшныя опустошенія. Къ довершенію всего, гр. Толстой зашелъ полякамъ прямо въ тылъ. Спасенія для нихъ уже не было.

Всѣ части русскихъ войскъ дѣйствовали въ томъ сраженіи, по заявленію Ферзена, съ такимъ единодушіемъ и стремительностью, что, не смотря на достойную уваженія храбрость поляковъ, на присутствіе среди ихъ «непобѣдимаго» Косцюшки, они устоять не могли и, смѣшавшись окончательно, начали отступать, а послѣ и просто бѣжать. Единственный, отчасти еще возможный, путь отступленія

¹⁾ Моск. арх. оп. 200, св. 52.

былъ на сѣверъ, гдѣ меньше было русскихъ, но гдѣ нужно было переправляться чрезъ рѣку, болотистые берега которой очень затрудняли и задерживали движеніе. Но другого выбора не было, и поляки бросались переходить рѣку вбродъ; мостъ и мельница были зажжены нашими брандкугелями¹⁾.

Кавалерія, послѣ отступленія поляковъ, стремительно бросилась ихъ преслѣдовать, и мало кому изъ нихъ удалось уйти. По окончаніи всего дѣла, русскіе расположились станомъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ поляки до боя занимали позицію. На другой день былъ отслуженъ благодарственный молебенъ въ присутствіи всѣхъ войскъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ.

Въ сраженіи при Маціевицахъ у непріятеля было захвачено 21 орудіе, 2 знамени; взято въ плѣнъ болѣе 2 тысячъ нижнихъ чиновъ, 71 товарищъ, 28 намѣстниковъ, 112 офицеровъ и генералы Сѣраковскій, Княжевичъ и Косинскій²⁾. Остальныя польскія войска почти всѣ, за очень малымъ исключеніемъ, коимъ удалось избѣжать плѣна и смерти на полѣ сраженія, погибли во время преслѣдованія. Въ донесеніи своемъ Ферзенъ говоритъ, что непріятель, «не имѣя уже спасенія въ бѣгствѣ, почти весь погибъ». Наши потери сводились: убитыми офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 144; ранеными офицеровъ 26 и нижнихъ чиновъ 1127. Харьковскій полкъ потерялъ убитыми: вахмистра Якова Дмитриева, 4-хъ рядовыхъ и 16 лошадей; было ранено: Ротмистръ Альперсъ, 25 нижнихъ чиновъ и 36 лошадей. Изъ числа раненыхъ умерли три человѣка (вахмистра Петряевъ и Мѣхуновъ) и пало 21 лошадь³⁾.

Потери поляковъ, такимъ образомъ, въ этомъ сраженіи были громадны—они лишились почти всего корпуса. Въ странѣ остались небольшія партіи войскъ до отряды Понинскаго и Вавжецкаго. На всемъ пространствѣ между Ферзе-

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Мѣс. рап. пол.

номъ и Суворовымъ бродили партіи партизановъ, кои препятствовали сообщенію, перехватывая донесенія. Ни Суворовъ, ни Ферзенъ ничего давно уже не знали другъ о другѣ. Маціевицкій разгромъ долженъ былъ охладить временный подъемъ духа поляковъ, появившійся у нихъ подъ вліяніемъ незначительныхъ успѣховъ, выпавшихъ на долю ихъ оружія. Соединившись, русскія войска могли уже дѣйствовать энергично, имѣя своимъ предводителемъ непобѣдимого въ дѣйствительности Суворова. Близость полного паденія Польши и политической самостоятельности поляковъ дѣлалась уже очевидна. Народъ этотъ, такъ быстро и легко воспламеняемый, до крайности энергичный, безспорно храбрый и стойкій въ бояхъ, увлекающійся и опьяняемый малѣйшимъ успѣхомъ, не могъ никогда доводить задуманнаго къ какому либо окончанію. Онъ быстро охладѣвалъ къ тому самому отечеству, которое такъ, повидимому любилъ и былъ готовъ подчасъ защищать до послѣдней капли крови, идя зачастую до очевидности на безразсудное и рискованное предпріятіе. Самымъ отрицательнымъ качествомъ, при многихъ хорошихъ, у поляковъ была лежащая просто въ крови уже склонность заводить безконечныя ссоры между собою изъ-за самыхъ иногда пустыхъ до смѣшного причинъ. Охотно жертвуя pro publico bono всѣмъ, поляки никогда не жертвовали только своею гордостью. Желаніе выдѣлиться изъ толпы и стать выше ея было болѣзнію cadaго изъ нихъ, почему между ними и было много охотниковъ начальствовать, но не было желавшихъ подчиняться. Всякій, выдѣлявшійся изъ среды чѣмъ-бы то ни было, дѣлался, обыкновенно, предметомъ зависти и интригъ. Поэтому, въ исторіи Польши мало найдется такихъ людей, кои умѣли вести за собою толпу и руководить ею. Нѣсколько счастливымъ исключеніемъ является послѣдній выдающійся ихъ политическій дѣятель—Тадеушъ Косцюшко. Онъ умѣлъ очаровать поляковъ, внушить любовь и уваженіе къ себѣ. Хотя Косцюшко и былъ

человѣкомъ вполнѣ достойнымъ, храбрымъ, горячимъ патриотомъ, безкорыстнымъ патриотомъ, но вліяніе его на своихъ соотечественниковъ все-же нѣсколько удивительно. Поляки охотно бывало преклонялись предъ богатыми магнатами ради того, что они сыпали золотомъ, а Косцюшко былъ только сыномъ бѣднаго шляхтича. Косцюшко, къ тому же, возлагалъ большія надежды на простой народъ, стремился вывести его изъ того униженнаго состоянія, въ которомъ онъ былъ въ Польшѣ, въ этой странѣ свободы, не имѣвшей разумнаго предѣла, близко граничащей съ безправіемъ и полною распущенностью. Косцюшко первый вспомнилъ (кромѣ Казимира Великаго — «Króla chłoków»), что въ государствѣ, кромѣ благородной шляхты, есть еще и народъ, который могъ-бы принести пользу своему отечеству. Эти его стремленія только и не нравились шляхтѣ и вызывали ея оппозицію. На самомъ дѣлѣ, эти благородныя затѣи Косцюшки оказались уже несвоевременными и трудно осуществимыми, хотя увлеченные планами диктатора многіе изъ поляковъ и заигрывали съ народомъ, даже просто кокетничали съ нимъ по склонности своего характера увлекаться. Но народъ имъ повѣрить сразу не могъ и не охотно шелъ за тою шляхтой, отъ которой въ продолженіи многихъ вѣковъ только слышалъ одно, что онъ не народъ, а «быдло» (скотъ). Хотя Косцюшкѣ и не удалось вполнѣ осуществить свои планы, но все-же онъ сумѣлъ увлечь поляковъ и подбить ихъ на энергичныя дѣйствія, — нація его боготворила, называла «непобѣдимымъ», «генералиссимусомъ», дала ему диктаторскую власть, охотно шла за нимъ. И Косцюшко былъ безспорно выдающимся человѣкомъ, ни равнаго, ни подобнаго ему въ то время не было въ Польшѣ. Для народа легче бываетъ оправиться, потерпѣвъ страшное пораженіе въ бою, чѣмъ лишиться иногда одного энергичнаго человѣка, способнаго поднять нравственный духъ и національное самосознаніе въ своихъ соотечественникахъ. Таковъ былъ тогда Косцюшко,

и поляки потеряли его безвозвратно. Серьезны были ихъ потери въ Маціевицкомъ сраженіи, но это бы ихъ такъ еще не поразило, какъ то, что ихъ непобѣдимый диктаторъ, ихъ кумиръ для нихъ уже пересталъ существовать и сдѣлался плѣнникомъ русскихъ, предоставивъ ихъ самимъ себѣ на жертву мелкихъ интригъ и споровъ изъ-за старшинства генераловъ, между которыми не было ни одного, достойнаго его замѣнить. Все это, естественно, не могло имѣть благотворнаго вліянія на ходъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Поэтому, битва при Маціевицахъ получаетъ существенное значеніе въ исторіи Рѣчи Посполитой и есть послѣдній актъ ея самостоятельной политической жизни. Послѣ этого для поляковъ все было потеряно, все кончено и это уже было ясно, вѣроятно, для нихъ самихъ, а рѣкою пролитая польская кровь при штурмѣ Праги была лишь слѣдствіемъ излишняго ихъ упорства.

Честь плѣненія Косцюшки выпала на долю Корнета Харьковскаго полка Лысенки, который, такимъ образомъ, своею рукою ускорилъ конецъ существованія польскаго государства.

Федоръ Ильичъ Лысенко родился 12 февраля 1751 г. ¹⁾ и былъ сыномъ отставнаго унтеръ-офицера гвардіи, малоросса, жившаго въ теперешнемъ Тимскомъ уѣздѣ Курской губ. Съ самаго ранняго возраста Лысенко сталъ обнаруживать большую склонность къ военной службѣ, но престарѣлые его родители были противъ того, видя въ сынѣ своемъ единственную опору семьи. Рѣшительные отказы отца не охладили желаній молодого Лысенки. Онъ однажды тайно бѣжалъ въ г. Корогу, гдѣ производился въ то время рекрутскій наборъ, и записался въ солдаты. Замѣтивъ отсутствія сына, отецъ, зная о наборѣ, отправился прямо туда

¹⁾ Въ одномъ форм. спискѣ и на надгробной плитѣ годъ его рожденія показанъ этотъ, въ указѣ-же объ отставкѣ 1753-й.

и нашелъ своего Федора уже во власти полковника. На колѣняхъ выпросилъ отецъ позволеніе взять обратно сына подъ кровъ своей убогой хаты, тѣсной уже для Лысенки. Но неотвязчивая мысль и страстное желаніе сдѣлаться солдатомъ преслѣдовали Лысенку постоянно. Онъ снова рѣшился бѣжать, но куда либо далеко, откуда-бы родители не могли его вернуть. Бѣжить онъ зимою въ Крымъ, гдѣ въ то время находились наши войска для усмиренія поднявшихся татаръ. Лысенко присталъ тамъ къ Харьковскому полку и просилъ принять его въ ряды. Полковникъ Бедрыга принялъ новаго солдата съ большою охотою, такъ какъ въ полку не доставало многихъ людей до комплекта, а Лысенко былъ молодецъ гигантскаго роста, красавецъ собою, прекрасно сложенъ; такой гусарь являлся находкою. Зачисленъ онъ былъ въ полкъ 1 января 1778 года, будучи 25 лѣтъ отъ роду. Новый гусарь своимъ веселымъ и добродушнымъ нравомъ скоро заслужилъ любовь товарищей, а рвеніемъ къ службѣ обратилъ на себя вниманіе начальства. Хвала однажды Лысенку за усердіе, эскадронный командиръ высказалъ сожалѣніе, что онъ не знаетъ грамоты, прибавивъ, что изъ него могъ-бы выйти хорошій вахмистръ. Слова эти глубоко запали въ сердце Лысенки; перспектива сдѣлаться вахмистромъ для рядового гусара, при томъ еще такого любителя службы, была такъ заманчива, что онъ тотчасъ-же садится за букварь. Черезъ нѣкоторое время тотъ-же командиръ, къ своему удивленію, услышалъ, что его гусарь бѣгло читаетъ въ полковой церкви Св. Писаніе. Труды Лысенки не пропали даромъ—его въ тотъ же день поздравили капитаномъ (1 мая 1780 г.), а черезъ два года онъ былъ сдѣланъ ротнымъ квартирмейстеромъ.

Жизнь полка того времени текла въ безпрестанныхъ походахъ и сраженіяхъ. Ходилъ Лысенко въ Крымъ, былъ до самаго конца подъ Очаковымъ; во вторую турецкую войну—при занятіи г.г. Бѣлграда и Бендеръ, при взятіи Килии и

въ кровопролитномъ сраженіи при Мачинѣ. За отличіе въ дѣлахъ онъ былъ произведенъ въ вахмистры (1791 г.), и мечты рядового гусара осуществились. Но на этомъ отличіи и повышеніи Лысенки не остановились. Въ первый день печальной памяти Варшавской революціи, подъ Лысенкою убито было 2 лошади. Отбившись отъ полка, пѣшій, не имѣя возможности добыть себѣ коня, Лысенко присоединился къ небольшому отряду пѣхоты Маіора Батурина. Отбиваясь отъ поляковъ, отрядъ этотъ заперся въ одномъ дворѣ, тѣсномъ и неудобномъ для защиты. Желая осмотрѣть сосѣдній съ цѣлью туда пробраться, Лысенко взлѣзъ на заборъ, но былъ встрѣченъ градомъ пуль и, спасаясь отъ нихъ, свалился на другую его сторону. Упавъ онъ благополучно въ сѣно, гдѣ и поспѣшилъ незамѣченный врагами спрятаться. Сидя тамъ, онъ придумалъ такую хитрость, чтобы заставить поляковъ очистить занятый ими дворъ: онъ стрѣляетъ изъ пистолета въ сѣно и зажигаетъ его. Дымъ и пламя выгоняютъ поляковъ изъ двора, а Лысенко спѣшитъ обратно къ товарищамъ; они разламываютъ заборъ и, давъ сгорѣть сѣну, занимаютъ дворъ.

Хотя эта горсть храбрецовъ и могла нѣкоторое время отстрѣливаться и отбиваться, но рано или поздно, имъ все-таки грозила смерть, когда они выпустили-бы послѣдній зарядъ. Къ тому-же прошло уже болѣе сутокъ, какъ никто изъ нихъ не пилъ и не ѣлъ. Колебаться въ выборѣ не приходилось—не все-ли было равно умирать, сидя въ заперти, или пробиваясь за городъ! Въ послѣднемъ случаѣ оставалось хотя слабая надежда спастись. О сдачѣ же въ плѣнъ, а тѣмъ болѣе просить пощады они не думали—это не въ обычаѣ русскихъ. И храбрая горсть бросается со двора, стремительно бѣжитъ по улицамъ, отбиваясь отъ нападавшихъ на нихъ варшавянъ, обратившихся изъ мирныхъ ремесленниковъ и торговцевъ въ свирѣпыхъ убійцъ. Многие изъ несчастныхъ русскихъ падаютъ отъ летящихъ въ нихъ

пуль, падаетъ начальникъ этой кучки героевъ, падаетъ и Лысенко, покрытый ранами съ прострѣленною насквозь правою ногою. Товарищи его бѣгутъ далѣе, спасая свою жизнь, а онъ остается лежать среди убитыхъ и раненыхъ поляковъ и русскихъ. Уцѣлѣвшая горсть пробилась за городъ и присоединилась къ отряду пруссаковъ. Оставшійся на улицѣ Лысенко ночью пришелъ въ чувство и, напрягая свои послѣднія силы, выбрался почти ползкомъ изъ вѣроломнаго города, по счастью, не встрѣченный утомленными двухдневною борьбою поляками. Добравшись кое-какъ до своихъ, вахмистръ Лысенко попалъ въ лазаретъ. Залечивъ свои раны и возстановивъ силы, Лысенко снова сталъ въ ряды полка, но уже не вахмистромъ—за мужество, оказанное имъ во время революціи, Лысенко былъ награжденъ корнетскимъ чиномъ¹⁾. Послѣ этого онъ еще съ большимъ рвеніемъ продолжалъ служить, былъ съ полкомъ во многихъ незначительныхъ дѣлахъ, участвовалъ въ безуспѣшной осадѣ Варшавы, гдѣ наши войска томились бездѣйствіемъ и гдѣ кавалерія не принимала никакого участія.

Обширное поле дѣятельности представилось ей подъ Мациевицами. Русскіе и поляки стояли лицомъ къ лицу, сраженіе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Русскіе помнили крѣпко 6 апрѣля и горѣли нетерпѣніемъ сразиться. Главною приманкою для всѣхъ было поймать Генералиссимуса Косцюшку. Ни одинъ изъ русскихъ воиновъ мечталъ тогда завладѣть этимъ завиднымъ трофеемъ. Всѣхъ поощряло извѣстное будто бы въ арміи обѣщаніе Императрицы Екатерины большой награды тому, кому удалось-бы плѣнить или убить Косцюшку²⁾. Въ числѣ мечтателей былъ и Лысенко. Онъ задумалъ попытать счастье и постараться не упустить изъ своихъ рукъ польскаго предводителя, если къ тому представится благоприятный случай.

¹⁾ Мос. арх. форм. спис., кн. № 244.

²⁾ Ист. Вѣст. 1893 г., кн. 11, ст. 484.

Накануиѣ сраженія Лысенко явился къ Бригадѣру Энгельгардту, открылъ свое намѣреніе и просилъ разрѣшить ему въ предстоящемъ бою отлучаться отъ полка для исполненія задуманнаго¹⁾. Позволеніе это онъ получилъ. На другой день Лысенко находился при полку и принималъ участіе въ атакѣ на правый флангъ непріятеля, «гдѣ отлично, храбро поступалъ и нѣсколько непріятелей своеручно срубилъ»; подъ нимъ была убита лошадь²⁾.

Намѣреніе Лысенки плѣнить главнаго начальника непріятельскихъ войскъ по отношенію къ Косцюшкѣ могло осуществиться. Этотъ генераль, по своему врожденному мужеству и храбрости, не оставался только спокойнымъ зрителемъ и руководителемъ сраженія, но, обыкновенно, принималъ въ немъ активное участіе, мастерски работая саблею впереди своихъ воиновъ, увлекаая ихъ за собою; и подъ его начальствомъ поляки дрались, какъ львы. Зная эту особенность непріятельскаго вождя, пользовавшагося большою популярностью и уваженіемъ даже среди русскихъ, Лысенко на этомъ, вѣроятно, и основывалъ свой расчетъ.

Послѣ того какъ поляки были уже окончательно разбиты, когда отступленіе перешло уже въ безпорядочное бѣгство и русская кавалерія пустилась ихъ преслѣдовать, Лысенко, поймавъ одну изъ бродившихъ по полю лошадей, и, пользуясь разрѣшеніемъ своего командира, отдѣлился отъ полка, чтобы привести въ исполненіе задуманное имъ дѣло. Онъ началъ объѣзжать поле сраженія. На немъ лишь оставались распростертыя тѣла убитыхъ да безпомощно стоявшіе раненые; многіе изъ нихъ силились подняться, ползали, орошая свои слѣды кровью, многіе, безсвязно говоря молитвы, отходили въ вѣчность. Изъ живыхъ и здоровыхъ людей въ разныхъ мѣстахъ бродили лишь казаки и занимались грабежомъ. Подъѣхавъ къ одному раненому поляку,

¹⁾ Указъ объ отставкѣ, подпис. гр. Беннигсеномъ 25 сент. 1816 г.

²⁾ Мос. арх. кн. № 244.

Лысенко спросилъ, не знаетъ-ли онъ, гдѣ могъ быть въ то время Косцюшко.— «Онъ долженъ быть недалеко», отвѣчалъ съ гордостью тотъ, «онъ у насъ поле сраженія оставляетъ послѣднимъ—теперь, вѣроятно, скрывается въ ближайшей рошѣ»¹⁾. Получивъ такой отвѣтъ, Лысенко подговорилъ шесть человекъ ѣхать на поиски и направился въ сторону, куда бѣжали поляки (къ д. Соболево). Въ полумилѣ отъ замка²⁾ онъ замѣтилъ, что по рошѣ пробирается кучка всадниковъ, числомъ въ 10 человекъ, въ богатыхъ мундирахъ и на отличныхъ лошадяхъ. Послѣднее обстоятельство заставило предполагать, что это и есть польскій герой со своимъ штабомъ. Лысенко рѣшилъ ударить на нихъ, не смотря на превосходство силъ съ противоположной стороны. Два казака не послушались приказанія офицера, видя перевѣсъ на сторонѣ непріятеля, и повернули назадъ. Съ Лысенкою остались только 2 казака конвоя Ферзена, Топилинъ и Лосевъ³⁾, да 2 гусара⁴⁾. Считая самага Лысенку, силы его были вдвое слабѣе—5 противъ 10, но, впрочемъ, одинъ Федоръ Ильичъ стоялъ нѣсколькихъ, благодаря своей силѣ и ловкости. Эта кучка храбрецовъ стремительно бросилась на поляковъ; они начали было уходить, но послѣ оборотились и дали залпъ изъ пистолетовъ, не причинившій никакого вреда. Лысенко собственноручно положилъ на мѣстѣ 4 противниковъ, но и самъ былъ раненъ. Всадникъ, нанесшій ему рану, былъ разрубленъ имъ «на двое»⁵⁾. И такъ, одинъ Лысенко сразу уравнилъ силы сражавшихся. Уцѣлѣвшіе 5 поляковъ, устрешенные такимъ богатыремъ, повернули коней и пустились уходить. Лысенко поскакалъ за одѣтымъ въ скромный мундиръ и, догнавъ, на всемъ скаку, ударилъ его саблею «по затылку и по спинѣ», послѣ чего тотъ и

¹⁾ Ист. Вѣст. 1893 г., № 11, ст. 784 (отрывки изъ рукоп. Гуслицкаго).

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

³⁾ Ibidem № 1221.

⁴⁾ Воен. Журн. 1811 г. XII, ст. 65.

⁵⁾ Ibidem.

повалился съ лошади. Покончивъ съ этимъ, по счету шестымъ, Лысенко полетѣлъ далѣе за всадникомъ въ богатомъ мундирѣ, принимая его за предметъ своихъ исканій, и загналъ его въ болото. Подскакавъ къ нему, спросилъ: «Ты—Косцюшко?»— «Нѣтъ, я его адъютантъ, а ты Косцюшку вонъ тамъ повалилъ». Обезоруживъ адъютанта, Лысенко поспѣшилъ къ распростертому на землѣ герою. Получивъ хотя и несмертельные, но полновѣсные удары, отъ которыхъ онъ потерялъ сознаніе, Косцюшко не успѣлъ, конечно, сказать той цвѣтистой фразы—«Finis Poloniae», каковую приписываютъ ему нѣкоторые писатели. Подѣхавъ къ раненому, Лысенко нашелъ тамъ Топилина и Лосева, принявшихъ его уже обирать¹⁾.

Н. Костомаровъ говоритъ, что казаки сняли съ пальца раненаго два перстня и начали уже снимать третій съ изображеніемъ девиза возстанія—краковской шапки; при чемъ раненный сжалъ палецъ. Видѣвшій это офицеръ (Лысенко), присмотрѣвшись, закричалъ: «Это Косцюшко!»— «Я—Косцюшко;—воды!» проговорилъ тотъ. Позволяемъ себѣ отнести съ большимъ довѣріемъ къ первому разсказу, выясняющему, какъ узналъ Лысенко въ поверженномъ имъ всадникѣ начальника польскихъ войскъ. Едва-ли только что произведенный въ карнеты вахмистръ, умѣвшій съ грѣхомъ по шаламъ читать и писать, и зналъ о девизѣ, о краковской шапкѣ. Къ тому-же, это и не служило бы доказательствомъ еще и потому, что подобный девизъ могли носить и другіе генералы. Приведенный разсказъ Костомаровъ, очевидно, записалъ по однимъ польскимъ источникамъ²⁾.

Такъ или иначе, узнанный Косцюшко сдѣлался предметомъ особенныхъ заботъ со стороны своихъ плѣнителей—въ немъ видѣли и генерала, пользовавшагося большимъ уваженіемъ даже среди непріятелей, и драгоценнѣйшую добычу,

¹⁾ Н. Костомаровъ. Пос. годы Рѣчи Пос. т. II, ст. 604.

²⁾ Pamiętniki Ksiedza Kitowicza изд. 1845 г., т. II.

о которой слѣдовало порадовать. Косцюшко притомъ оказался еще раненымъ казацкими пиками. Его бережно перенесли въ лагерь русскихъ войскъ и помѣстили въ замкѣ вмѣстѣ съ прочими плѣнными генералами. Прийдя въ себя, Косцюшко изъявилъ желаніе увидѣть плѣнника его героя. Предъ нимъ предсталъ молодецъ—корнетъ (правда, уже не первой молодости—43 лѣтъ), мужественнаго вида, красавецъ собою, силачъ, положившій на мѣстѣ половину бывшихъ съ диктаторомъ поляковъ. Не совѣстно было-бы никому попасть въ руки такого гиганта, и Косцюшко только молча пожалъ руку своему побѣдителю ¹⁾.

У Костомарова ²⁾ говорится, что честь плѣненія принадлежитъ не одному Лысенкѣ, а также и Корнету Елисаветградскаго полка Смородскому. Но въ представленіяхъ объ отличившихся въ сраженіи подъ Маціевицами и въ реляціяхъ говорится такъ: Корнетъ Лысенко «главнокомандующаго польскихъ войскъ ранилъ два раза саблею, *поймалъ и съ другими оберъ-офицерами представилъ*» ³⁾. Рахмановъ въ своемъ представленіи о Лысенкѣ и Поручикѣ Постуховскомъ пишетъ: отличили себя «преслѣдовавши непріятеля съ особливою храбростью и схватили самаго начамника Косцюшко, котораго изъ нихъ *Лысенко*, видя старавшагося спастись, догнавъ, два раза саблею ранилъ и *недопустилъ* скрыться» ⁴⁾. Въ письмѣ-же своемъ (ниже приводимомъ) Лысенко, между прочимъ, пишетъ, что Пастуховскій не участвовалъ при нападеніи только потому, что потерялъ предъ тѣмъ свою лошадь. Наконецъ, г. Масловскій говоритъ, что въ плѣненіи принималъ участіе поручикъ Харьковскаго полка Потѣбскій ⁵⁾, но такого офицера въ полку на-

¹⁾ Отеч. Зап. 1822 г., ч. XII, ст. 60.

²⁾ Говоря объ этомъ, нашъ почтенный историкъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, откуда онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія; ему-же, очевидно, не были извѣстны тѣ источники, которыми пользовались мы. (Посл. годы Рѣчи Посп., т. II, стр. 604).

³⁾ Мос. арх. оп. 193, св. 85 и 86.

⁴⁾ Ibidem, оп. 200, св. 52.

⁵⁾ Воен. Сбор. 1893 г., кн. 11, ст. 15. (У автора есть полный списокъ всѣхъ служившихъ въ полку офицеровъ).

когда и не было. Смѣшиваетъ онъ его, вѣроятно, съ Пастуховскимъ. Всѣ эти офицеры ¹⁾, кои вмѣстѣ съ Лысенкою *представили* плѣнника Ферзену, по всѣмъ вѣроятіямъ, съѣхались къ мѣсту схватки по окончаніи всего, когда Лысенко, узнавъ въ раненомъ польскаго вожда, приводилъ его въ чувство, когда бѣгали за водою и устраивали изъ казацкихъ пикъ носилки. О нихъ, какъ объ *участникахъ* только въ представленіи плѣнника, и говорится во всѣхъ реляціяхъ и въ спискахъ объ отличившихся и награжденныхъ.

Главнымъ, значить, трофеемъ знаменитой битвы былъ Косцюшко, и честь взятія его въ плѣнъ принадлежитъ Харьковскому полку. Но отличія его тѣмъ еще не ограничивались: Поручику Адамову посчастливилось захватить въ плѣнъ Г. Сѣраковского ²⁾, имѣвшаго среди поляковъ также большое значеніе. Генеральъ этотъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ войскъ, разстроенная часть которыхъ присоединилась къ Косцюжкѣ послѣ пораженій, нанесенныхъ имъ Суворовымъ (4, 6, 7 и 8 сентября). Въ числѣ отличившихся упоминается еще Корнетъ Ларинъ—онъ, при сближеніи 2-ой линіи съ непріателемъ, выстроивши быстро свой взводъ, первый стремительно атаковалъ поляковъ ³⁾ и увлекъ своимъ примѣромъ другихъ. Изъ отбитыхъ пушекъ во время преслѣдованія одну взялъ Вахмистръ Иванъ Фигарошевъ, произведенный за отличіе въ корнеты ⁴⁾.

Узнавъ о блестящей побѣдѣ, одержанной Ферзенемъ, сразу измѣнившей нѣсколько сомнительное положеніе русскихъ въ Польшѣ, Императрица не замедлила выразить свою радость раздачею щедрыхъ наградъ. Всѣмъ нижнимъ чинамъ корпуса приказано было выдать по одному рублю изъ экстраординарной суммы, находившійся въ распоряженіи Ферзена ⁵⁾. Но

²⁾ Мос. арх. оп. 193, № 86.

³⁾ Ibidem и оп. 200, св. 52.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem, оп. 193 № 86 и оп. 15 № 687.

⁶⁾ Ibidem, оп. 196, св. 8.

съ исполненіемъ этого приказанія онъ почему-то не спѣшилъ. Изъ дѣлъ видно, что полки не получили этихъ денегъ даже въ 1797 году ¹⁾, т. е., когда Екатерина уже умерла и у Ферзена не было уже той суммы, да и многихъ участниковъ битвы не было уже тогда въ полкахъ. За отличіе въ сраженіи были произведены Харьковскаго полка (производство состоялось чрезъ годъ, но со старшинствомъ 29 сент. 1794 г.) 5 кадетовъ и 2 вахмистра въ корнеты и 3 поручика въ ротмистры ²⁾. Въ числѣ же награжденныхъ, къ удивленію, нѣтъ Поручика Адамова, не смотря на его выдающійся подвигъ. Произведенъ былъ также въ подполковники Каменевъ, такъ успѣшно исправившій разрушенные мосты. Но награжденъ чиномъ онъ былъ Румянцевымъ не за это отличіе, а за то, что привезъ ему «радостную вѣсть о побѣдѣ». За это-же самое Румянцевъ произвелъ и другого вѣстника побѣды, Поручика Енохина ³⁾, за которымъ не числилось никакихъ подвиговъ и отличій, кромѣ путешествія къ Румянцеву на повозкѣ. Значить, отличія Каменева, имѣвшее благотворное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій, и Адамова, лишившее поляковъ хорошаго генерала, остались ненагражденными, тогда какъ другіе офицеры награждались щедро за самыя заурядныя отличія, какъ—«поступалъ мужественно, какъ порядочному офицеру надлежитъ», и то и безъ всякаго поясненія подвига.

Произведенъ былъ наравнѣ съ прочими, мало чѣмъ себя отличившими, и Лысенко въ поручики (производство это состоялось также чрезъ годъ, со старшинствомъ). Вообще подвигъ Лысенко не былъ оцѣненъ и награжденъ по достоинству, какъ слѣдовало бы того ожидать. Только гр. Румянцевъ впоследствии, видимо это сознавая, прислалъ ему 500 червонныхъ, половину которыхъ безкорыстѣйшій герой нашъ раздалъ своимъ соратникамъ.

¹⁾ Ibidem, оп. 200, св. 42.

²⁾ Ibidem, оп. 15, № 687.

³⁾ Ibidem, оп. 196, св. 8.

Плѣннаго Косцюшку нужно было везти въ Петербургъ. Честь эта, сулившая большія награды, принадлежала безспорно Лысенкѣ, и онъ былъ назначенъ для этого. Какъ только Косцюшко поправился на столько, что могъ ѣхать, Лысенко его повезъ, полонъ радужныхъ надеждъ. По дорогѣ имъ пришлось на нѣкоторое время задержаться, такъ какъ, вслѣдствіе утомленія, едва зажившія раны открылись у Косцюшки снова. Между тѣмъ, со времени отъѣзда Лысенки изъ арміи, надъ его головой стряслась какая-то бѣда, которою онъ былъ, по всей вѣроятности, обязанъ интригамъ и зависти. Его обвинили въ томъ, что онъ будто-бы, безъ всякой нужды, ранилъ дважды Косцюшку. Это обвиненіе послужило поводомъ къ тому, что Федора Ильича вернули съ дороги, а везти дальше плѣнника назначили Майора Титова ¹⁾, коему выдали на путевыя издержки 3 тысячи рублей. По другимъ источникамъ (рукопись Гуслистаго ²⁾) Лысенко былъ только посланъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о побѣдѣ, его вернули и замѣнили сыномъ Ферзена. Г. Я. Гуслистый, слышавшій рассказъ о плѣненіи отъ самаго Лысенки въ 20-хъ годахъ (записалъ его только въ 1861 г.); говоритъ, что онъ былъ отданъ даже подъ судъ, отъ котораго съ трудомъ и не скоро отдѣлался, что его оправдали, но «выгнали со службы». Но этого, на самомъ дѣлѣ, не было. Во всѣхъ аудиторскихъ спискахъ съ 1794 по 1798 годъ, тщательно просмотрѣнныхъ, нѣтъ ни одного извѣстія объ этомъ. Между тѣмъ, въ эти списки дѣло Лысенки, если бы оно было начато, неминуемо должно было попасть. Доказательствомъ того-же служатъ всѣ формулярные списки Лысенки. Въ нихъ въ графѣ о бытіи подъ слѣдствіемъ и судомъ вездѣ стоитъ «не бывалъ», а нахожденіе офицера подъ судомъ и слѣдствіемъ вносилося въ формуляръ, хотя бы онъ и былъ оправданъ. Неопровержимымъ доказательствомъ является и указъ объ отставкѣ

¹⁾ Ibidem 193, св. 85.

²⁾ Отрывки изъ этой рукописи напечатаны въ статьѣ «Забитый Герой», почему мы и позволяемъ себѣ говорить такъ.

Ротмистра Лысенки. Въ немъ говорится ясно, что «въ штрафъ и подь судомъ не бываль»¹⁾. Со службы Лысенко также «выгнанъ» не былъ, а по собственному желанію изъ Харьковского перевелся въ Переяславскій (1796 г.), а по его расформированіи былъ опредѣленъ въ Павлоградскій полкъ (1797 г.). Въ 1798 году уволенъ былъ по болѣзни въ отставку по прошенію штабсъ-ротмистромъ съ мундиромъ и пенсію половиннаго оклада. По суду въ отставку такъ не увольняютъ. Изданными источниками о Лысенкѣ являются выдержки изъ упомянутой рукописи Гуслистаго и «Плѣнитель Косцюшки» (Отч. Зап. 1822 г.). Хотя эти обѣ статьи и составлены были со словъ самаго Лысенки, но въ нихъ много явныхъ неточностей, чему нельзя и удивляться, принявъ во вниманіе, что Гуслистый, напр., записалъ свой рассказъ не скоро послѣ того, какъ слышалъ его. Несправедливо отнеслось начальство къ Лысенкѣ, такъ мало наградивъ его блистательный и важный послѣдствіями подвигъ. Соверши что либо подобное другой офицеръ, у кого были-бы вліятельные родные, или какая либо протекція, то онъ, конечно, былъ-бы осыпанъ наградами и пошелъ-бы далеко. У бѣднаго-же Лысенки не было рѣшительно никого, кто-бы могъ хлопотать за него. Единственнымъ лицомъ, обязаннымъ это сдѣлать, являлся командиръ полка, которому инструкція повелѣвала «пеицись о подчиненныхъ своихъ, какъ отцу о дѣтяхъ, и поддерживать честь вѣрренныхъ имъ полковъ». Но командиры того времени при «неограниченности власти, которую они себѣ присвоили», дѣлали, что хотѣли, и занимались, какъ о томъ уже было говорено, единственно только своимъ обогащеніемъ. Къ тому-же командиръ Харьковского полка сидѣлъ въ плѣну у поляковъ, а временно имъ командовавшего честь и слава полка могли и не интересоватъ. Судьба Лысенки находилась всецѣло въ рукахъ Ферзена, но этотъ генералъ очень безцеремонно об-

¹⁾ Два аттестата и указъ этотъ любезно предоставлены были въ наше распоряженіе Г-жею А. И. Томилиной. Этимъ не пользовался авторъ статьи «Забитый Герой», а также и архивнымъ матеріаломъ, который былъ собранъ нами.

рацался съ офицерами, даже когда не былъ еще облеченъ большою властью. Такъ, въ 1792 г. Г. Кречетниковъ сдѣлалъ ему замѣчаніе и выговоръ за то, что онъ позволялъ себѣ обходиться съ подчиненными офицерами не по закону, а по собственному произволу, привязывая провинившихся *къ пушкамъ* и возя ихъ такъ походомъ; солдатъ-же онъ безпощадно гоножалъ сквозь строй. Кречетниковъ въ своемъ выговорѣ писалъ, что такъ наказывать нижнихъ чиновъ можно, если они только того заслуживаютъ, но обращаться подобнымъ образомъ съ офицерами никто не имѣетъ права. Приказывая, чтобы подобное впредь не повторялось, Кречетниковъ напоминалъ, что для наказанія есть закономъ опредѣленный «штрафъ» и что виновныхъ лучше всего отдавать подь судъ. Говоря, что онъ не признаетъ такихъ позорныхъ наказаній, какъ привязываніе къ пушкамъ, несоотвѣтствующихъ достоинству офицерскаго званія, Кречетниковъ даетъ понять Ферзену, что онъ не оставилъ-бы безъ послѣдствія его выходокъ, если-бы не относилось того исключительно къ его усердію къ службѣ¹⁾.

Не менѣе несправедливо отнеслась къ Лысенкѣ и исторія, забывъ чрезъ нѣсколько уже лѣтъ его имя, когда онъ самъ еще жилъ, влача свое существованіе въ бѣдности. Съ терпѣніемъ переносилъ и покорялся Федоръ Ильичъ той несправедливостью, съ которою съ нимъ обошлись, не напоминая ничѣмъ о себѣ. Но онъ былъ возмущенъ до глубины своей незлобивой души тѣмъ, что даже честь плѣненія Косцюшки стали приписывать другому лицу. Перенести такого нравственнаго удара онъ не могъ. Приводимъ здѣсь въ подлинникъ письмо его редактору «Военнаго Журнала», гдѣ онъ проситъ его путемъ печати возвратитъ ему должное. Письмо это краснорѣчиво покажетъ читателю то душевное настроеніе несправедливо обиженнаго человѣка, какое долженъ былъ переносить вѣрный слуга отечества, не разъ въ безпрепятственныхъ бояхъ проливавшій за него кровь и оказавшій ему неогрѣбленную услугу, въ награду за которое оно его такъ скоро забыло.

¹⁾ Мос. арх. оп. 200 № 35, ч. II.

«Недавно — пишет Лысенко — мнѣ попалась книга «Жизнь и военныя дѣйствія Генералиссимуса кн. Италіанскаго гр. Суворова-Рымникскаго», изданная Мак. Парпурою (Спб. 1800 г.). Я началъ читать ее съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ всякій истинный гражданинъ долженъ взирать на дѣла своего великаго соотечественника и героя, подъ начальствомъ котораго служилъ съ честью. Но какое было мое неудовольствіе, когда нашелъ я въ ней, на страницѣ 70, что знаменитый Косцюшко взялъ въ плѣнъ какимъ-то Харьковскаго легкоконнаго полка Корнетомъ Пилипенкомъ. Служа 15 лѣтъ въ семь полку, я никогда не слышалъ даже про такое имя; не довольствуясь симъ, я отправился въ Военную Коллегію и взятымъ изъ оной свидѣтельствомъ, которое при семъ прилагаю, удостовѣрился, что такого корнета въ семь полку никогда не бывало. Что-же касается до Косцюшки, то при семъ прилагаю подлинный указъ о моей отставкѣ и аттестаты родного Вашего дяди, Г. М. Рахманова. Изъ сихъ бумагъ Вы усмотрите, что знаменитаго Косцюшку взяли въ плѣнъ Харьковскаго-же легкоконнаго полка корнетъ, но не Пилипенко, а я, ударивъ съ 2 рейтарами (гусарами) и 2 казаками на его конвой, состоявшій изъ 10 человекъ, изложивъ 4 собственною рукою, получивъ самъ рану, изрубивъ на-двое нанесшаго мнѣ оную и ранивъ самаго Косцюшку. Поступокъ мой былъ гласенъ въ цѣлой арміи, и я награжденъ за оный чиномъ поручика, да впоследствии гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій прислалъ мнѣ 500 червонныхъ, изъ которыхъ я удѣлилъ часть своимъ соратникамъ и 200 червонныхъ храброму Поручику Пастуховскому, который при упомянутомъ нападѣніи потерялъ свою лошадь и единственно отъ того не участвовалъ въ нашемъ подвигѣ».

«20 лѣтъ служилъ я своему отечеству, 20 лѣтъ блисталъ мечъ мой въ бояхъ и на приступахъ и, наконецъ, рѣшилъ судьбу государства, которое нѣкогда потрясло

Россію. Теперь, въ преклонныхъ лѣтахъ, когда хладная старость уноситъ остатки силъ моихъ, когда несчастный жребій мой оставилъ меня на жертву ужасающей бѣдности, больно видѣть, что даже самая исторія не отдастъ должной справедливости тому, который презиралъ смерть, чтобы жить въ потомствѣ. Если духъ Вашъ соотвѣтствуетъ Вашему званію воина и россиянина, то подвиги воинскіе должны быть драгоценны сердцу Вашему. Вступитесь за соотечественника Вашего, вступитесь за истину, уснокойте бѣднаго воина, который посѣдѣлъ въ браняхъ, неоднократно проливалъ кровь свою за отечество и, страдая подъ игомъ нищеты, молить, чтобы хотя его имя не было сокрыто для потомства»¹⁾.

Редакторъ поспѣшилъ исполнить просьбу Лысенки, прибавивъ отъ себя: «Съ великимъ удовольствіемъ сообщаемъ здѣсь письмо сіе. Мы читали всѣ аттестаты и указъ объ отставкѣ Штабсъ-Ротмистра Лысенки, видѣли свидѣтельство Государственной Военной Коллегіи о знаменитомъ его подвигѣ, имѣвшемъ вліяніе на благосостояніе отечества»²⁾.

На этотъ разъ слава Лысенки была возстановлена, но нашлись люди, кои, не въ силу легкаго отношенія къ историческимъ событіямъ или случайно вкравшейся ошибки (какъ въ книгѣ Парпуры), а умыленно вознамѣрились оттягать славу его завиднаго для всякаго воина подвига. Такимъ претендентомъ явился донской атаманъ Денисовъ. Въ своихъ запискахъ онъ говоритъ, что Косцюшку взяли въ плѣнъ казаки его команды, т. е., значить, въ нѣкоторомъ родѣ онъ. Денисовъ очень картинно, подробно и, повидному, правдиво повѣствуетъ объ этомъ событіи. Но атаманъ, вѣроятно, предвидѣлъ возможность сомнѣній въ справедливости разсказа, если счелъ почему-то нужнымъ начать его слѣд. словами: «Разскажу благосклонному читателю по сущей *справедливости*, по строгому разысканію, мною произведенному, и по точнымъ *доказательствамъ* отъ бывшихъ при томъ каза-

¹⁾ Воен. Жур. т. XII, ст. 65.

²⁾ Ibidem.

ковъ, собраннымъ о томъ, какъ взять польскій начальникъ Косцюшко»¹⁾). Окончивъ описаніе подробностей плѣненія, онъ увѣряетъ зачѣмъ то читателя, что описалъ его «безъ малѣйшей посторонней матеріи». Мы собственно не считаемъ нужнымъ приводить доказательства того, что весь рассказъ Денисова отъ начала и до конца расходится съ истинною, ибо стоитъ-ли что либо возражать человѣку, который самъ себя поетъ такой панегирикъ: «Я совершенно удаленъ отъ интригъ. Политикъ я не придерживался и не любилъ ее, должность мою я съ исключительнымъ усердіемъ исполнял. Дѣла мои шли хорошо, а самое лучшее то, что непріатели столько меня *уважали*, что ежели я атакую ихъ казаками, и они о семъ узнаютъ, то за лучшее считаютъ *изъ почтенія* бѣжать»²⁾). Нельзя, впрочемъ, удержаться, чтобы не привести еще одного мѣста изъ его «правдивыхъ» записокъ. Денисовъ, позванный казакомъ, пріѣхалъ будто бы на мѣсто, гдѣ ему указали лежавшаго на землѣ раненаго поляка, говоря, что это и есть Косцюшко. Но атаману понадобилось, чтобы удостовѣриться, сличитъ популярнаго диктатора съ имѣвшимся при немъ портретомъ («хотя (онъ) и зналъ нѣсколько Косцюшку»). Когда раненый пришелъ въ сознаніе, Маіоръ Денисовъ сказалъ ему, что его знаетъ. На это генералиссимусъ, диктаторъ, только что открывшій глаза, странно ослабѣвшій отъ потери крови, будто бы отвѣтилъ: «и я васъ знаю—вы Полковникъ Денисовъ» (!)³⁾.

Отправивъ плѣннаго въ лагерь къ главнокомандующему, самъ атаманъ пустился, по его словамъ, преслѣдовать поляковъ далѣе. Но трудно допустить, чтобы этотъ маіоръ, такъ ревниво выставлюющій на каждомъ шагѣ свои заслуги, въ запискахъ котораго такъ и сыплются выраженія «срубилъ», «опрокинулъ», предъ которымъ обыкновенно все изъ почтенія бѣгутъ, упустилъ-бы такой удобный случай и не повезъ-

¹⁾ Рус. стар. 1874 г., стр. 407—409.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, ст. 406.

бы самъ знаменитую добычу представить начальству. Но неопровержимымъ доказательствомъ, противъ котораго ничего уже возразить нельзя (и что Денисовъ упустилъ изъ вида), служатъ подлинныя формуляры, реляціи, списки отличившихся съ подробнымъ описаніемъ подвиговъ каждаго. Все это хранится въ архивѣ и тщательно было просмотрѣно. Въ представленіяхъ-же о донскихъ казакахъ, отличившихся въ сраженіи при Маціевицахъ, нигдѣ не говорится, чтобы Косцюшко былъ взятъ въ плѣнъ ими, а тѣмъ болѣе Денисовымъ, какъ онъ повѣствуетъ. Тамъ нѣтъ даже казаковъ Гопилина и Лосева, но это потому, что они состояли при Ферзенѣ. О самомъ же Маіорѣ Логвинѣ Денисовѣ говорится такъ: «отличилъ себя во многихъ сраженіяхъ и при низложеніи, и плѣненіи оставшихся мятежныхъ польскихъ войскъ», за что и производится въ подполковники¹⁾). Это представленіе послѣдовало уже по окончаніи войны, а въ числѣ отличившихся при Маціевицахъ нѣтъ нигдѣ ни Денисова, ни его казаковъ. Впрочемъ, самъ атаманъ плачется и сѣтуетъ на то, что его не наградили за совершенный имъ на бумагѣ подвигъ: «И обойденъ и обиженъ предъ всѣми!» Но это ему необходимо было, конечно, прибавить для полноты картины, иначе читатель могъ-бы задаться вопросомъ, чѣмъ-же наградили героя. Такимъ образомъ, приведя все вышеизложенное, основанное на точныхъ документальныхъ данныхъ, мы считаемъ Лысенку единственнымъ виновникомъ плѣненія Косцюшки. Остается только не выясненнымъ, почему Федора Ильича вернули съ дороги въ Петербургъ, а также былъ-ли онъ въ дѣйствительности туда и командированъ. Есть основаніе къ этому относиться сомнительно, такъ какъ источники, записанные со словъ самаго Лысенки, говорятъ-же о бытности его подъ судомъ и о томъ, что его выгнали со службы; хотя ни того, ни другого и не было. Въ письмѣ Лысенки къ редактору нѣтъ ни одного такого слова, которое-бы позволило намъ повѣрить,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Мос. арх. оп. 196, св. 8.

что, вмѣсто вполне заслуженной имъ большой награды, онъ попалъ подъ судъ. Не выгодно было просто Ферзену, одержавшему такую славную побѣду, особенно уже ярко выставлять подвиги своихъ подчиненныхъ, что могло-бы нѣсколько умалять его собственные. При томъ, не съ однимъ, вѣдь, Лысенкою поступили несправедливо! Производились и награждались щедро ординарцы и вѣстники побѣды, быть можетъ, видѣвшіе ее только издали, а не награждались въ дѣйствительности отличившіеся. Не награжденъ-же былъ ни чѣмъ Поручикъ Адамовъ, взявшій въ плѣнъ генерала Сѣраковского, не смотря на то, что Г.-М. Рахмановымъ онъ былъ представленъ Ферзену къ награждѣ! Позволяемъ себѣ надѣяться, что слава Лысенки, которою онъ такъ дорожилъ и ревниво охранялъ при своей жизни, намъ удалось до извѣстной степени возстановить и упрочить послѣ новой попытки Деннсова присвоить ее себѣ, когда герой нашъ уже изъ-за могилы самъ вступиться за нее не могъ.

Для полной оцѣнки личности Лысенки необходимо прослѣдить его дальнѣйшую судьбу. Оставаясь послѣ Мациевницкой битвы при полку и участвуя съ нимъ въ дѣлахъ, онъ снова обращаетъ на себя вниманіе при штурмѣ Праги, этомъ послѣднемъ вздохѣ самостоятельнаго польскаго королевства, гибель коего онъ приписывалъ своимъ подвигомъ. За штурмъ Лысенко получилъ крестъ¹⁾, хотя свидѣтельство ему и было выдано только 18 марта 1811 г. (подобное опозданіе было не у него одного, а и у многихъ). Прибавляемъ мы это потому, что въ томъ видятъ доказательство бывшаго надъ Лысенкою суда.

Пробывъ въ отставкѣ съ 1798 по 1812 годъ (въ это время онъ женился и поступилъ на службу въ почтамтъ) Лысенко въ декабрѣ 1812 г. поступилъ снова въ 3-й Украинскій казачій полкъ поручикомъ. Съ самаго открытія кампаніи съ французами, Лысенко рвался въ бой, какъ старшій кавалерійскій конь, слышавъ сигналъ; но болѣзнь, прико-

¹⁾ Моск. арх. оп. 58, св. 400.

вавшая его къ постелѣ, ему того не позволила. Въ войнѣ 1813—1814 г. нашъ престарѣлый герой принималъ участіе въ 22-хъ сраженіяхъ, между которыми нѣкоторыя были генеральныя—подъ Лейпцигомъ и Бауценомъ, а также во многочисленныхъ авангардныхъ дѣлахъ и мелкихъ стычкахъ. За отличіе при Лейпцигѣ онъ былъ произведенъ въ чинъ штабсъ-ротмистра¹⁾.

Окончательно съ военною службою Лысенко покончилъ только въ 1816 г. и вышелъ въ отставку по болѣзни ротмистромъ съ мундиромъ и пенсію половиннаго оклада (170 р. въ годъ).

На такія ничтожныя деньги Лысенкѣ, имѣвшему двухъ дѣтей, существовать было очень трудно, и первое время по выходѣ въ отставку онъ пользовался поддержкою помѣщика Курской губерніи Сомова, у котораго жилъ со всею семьей. Но, оставшись съ его смертію рѣшительно безъ средствъ, Лысенко, доведенный къ тому обстоятельствами, впервые рѣшился напомнить о себѣ, просить Государя не оставить и наградить его за 24-лѣтнюю службу (съ 1778 по 1798 и съ 1812 по 1816 г.), которую онъ провелъ въ постоянныхъ войнахъ. Императоръ Александръ I, видимо, сознавая, что съ нимъ поступили несправедливо, такъ мало наградивъ полезную его отечеству службу, повелѣлъ Правительствующему Сенату отвести Ротмистру Лысенкѣ въ награду, «ревностной, долговременной его службы 1000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи» и далъ ему 1000 р. единовременнаго пособія²⁾ на проѣздъ туда.

Казалось-бы, съ этимъ щедрымъ даромъ должны были окончиться всѣ мытарства злополучнаго Федора Ильича, но онъ былъ несчастливъ во всемъ, и ему положительно не везло. Уже на дорогѣ въ свое имѣніе, какъ нѣкогда въ Петербургъ, его ждало разочарованіе—ему сдѣлался извѣстенъ указъ, запрещавшій раздавать земли въ Саратовской губерніи, въ виду малочисленности земель въ ней. Снова начался для Лысенки

¹⁾ Указъ объ отст.

²⁾ Отеч. Зап. 1822 г., часть XII.

рядъ хлопотъ и мытарствъ въ Петербургѣ, куда онъ возвратился, оставивъ семью на дорогѣ, и томился до возвращенія туда Императора. Здѣсь онъ заболѣлъ снова и лежалъ въ Обуховской больницѣ, гдѣ служилъ тогда ординаторомъ Г. Я. Гуслистый, слышавшій отъ Лысенки длинную повѣсть его жизни, полную боевыхъ успѣховъ и жизненныхъ неудачъ. Бѣ сожалѣнью, какъ мы уже говорили, повѣсть эта была записана Гуслистымъ только 40 лѣтъ спустя, а такой длинный періодъ времени вполне достаточно, чтобы перепутать и передать невѣрно слышанное, о чемъ онъ, впрочемъ, говоритъ и самъ въ своей рукописи. Въ замѣнъ земли въ Саратовской губерніи, Лысенко получилъ, по приказанію Императора, столько-же въ Самарской, но, въ виду ея неплодородія, продалъ ее и выручилъ только 800 рублей. Послѣ этого онъ поселился на родинѣ своей, въ Курской губерніи, гдѣ и умеръ на 82 году своей жизни. И теперь еще въ Тимѣ (Курской губ.), гдѣ похороненъ Лысенко, сохранилась слѣдующая эпитафія на камнѣ, лежащемъ на могилѣ Федора Ильича:

«Здѣсь тѣло отставнаго ротмистра Федора Ильича Лысенко родился 1751 года февраля 12 дня умеръ 1832 года апрѣля 29 дня жилъ 81 годъ 2 мѣсяца и 11 (17?) дней и въ жизни своей на войнѣ самъ взялъ Костюшку въ плѣнъ»¹⁾.

Надпись эта подъ вліяніемъ всеокрушающаго времени съ каждымъ годомъ дѣлается все менѣе разборчивою, а слово «Костюшку» сдѣлалось уже неотчетливымъ. Непогоды, ополчившіяся на эту плиту, начали свою работу съ этого слова, какъ-бы приходя на помощь завистникамъ славы Федора Ильича. Вся надпись скоро исчезнетъ, если своевременно о ней не позаботятся.

¹⁾ Въ статьѣ «Забитый Герой» надпись эта передана не вѣрно, съ ошибками въ датахъ и съ пропускомъ двухъ строкъ, почему мы здѣсь и приводимъ ее цѣлкомъ.

Глава XI.

Соединеніе съ Суворовымъ.—Поискъ къ Окуневу.—Сраженіе у Кобылякъ.—Приготовленія къ штурму Праги.—Распределеніе войскъ.—Охотники.—Штурмъ.—Гибель поляковъ.—Отличившіеся.—Награды.—Сдача Варшавы.—Освобожденіе плѣнныхъ.—Конецъ Польши.—Расположеніе на зимнія квартиры.—Годовой отчетъ.—Возвращеніе въ Россію.

Забивъ поляковъ подъ Мацевицами и простоявъ нѣкоторое время на мѣстѣ, чтобы дать отдыхъ войскамъ, Ферзенъ пошелъ на сѣверъ къ Станиславу. Суворовъ въ этомъ городѣ приказалъ ему присоединиться къ своему корпусу, дѣйствуя однимъ только именемъ Императрицы¹⁾ еще до Высочайшаго повелѣнія о подчиненіи ему войскъ Ренина (20 окт.). Самъ великій полководецъ въ это время шелъ отъ Бреста на Яновъ, Венгровъ и Станиславовъ, гдѣ утромъ 14 октября соединился съ корпусомъ барона Ферзена. Въ своемъ маршѣ отъ Бреста Суворовъ гнался за отрядомъ Мокроповскаго. Одна его половина успѣла уйти въ Прагу, другая тянулась еще назадъ. Ее Суворовъ догналъ у д. Кобылки (въ 14 верстахъ отъ Праги). Наканунѣ этого дня онъ приказалъ Ферзену произвести ночной поискъ отъ Станислава къ Окуневу (15 верстѣ), а самъ, выславъ впередъ авангардъ, силою въ тысячу коней, двинулся по направленію къ Кобылякъ, гдѣ и произошло сраженіе. Въ битвѣ этой принимала участіе съ нашей стороны почти одна кавалерія. Нѣкоторая ея часть дѣйствовала въ слѣженномъ строю и ходила въ атаку на пѣхоту съ саблями и палашами.

Ферзенъ, окончивъ свой поискъ къ Окуневу и не найдя тамъ непріятеля, поспѣшилъ оттуда къ Кобылякъ, желая по-

¹⁾ Масловскій. Воен. Сб. 1893 г., № 11.

сѣтъ во время, по прибыть, когда уже Суворовъ покончилъ съ непріателемъ. Вслѣдствіе этого, Харьковскій полкъ, ходившій къ Огуневу, не участвовалъ въ этой послѣдней схваткѣ съ поляками въ открытомъ полѣ. Но, по засвидѣтельствованію Г.-М. Исленьева, въ дѣлѣ при Кобылкѣ отличился храбростью два ротмистра Харьковского полка—Нѣмцовъ и Алешинъ, состоявшіе, вѣроятно, при немъ. Эти два офицера отличились въ то время, когда Черниговскій карабинерный полкъ подкрѣплялъ Переяславскихъ конныхъ егерей, когда, не смотря на сильный огонь непріателя, осыпаемые картечью, конноегеря заняли дефиле ¹⁾. Эти два офицера были награждены Суворовымъ производствомъ въ слѣдующіе чины.

Суворовъ нѣкоторое время задержался у Кобылкѣ, чтобы сосредоточить свои силы. Къ нему здѣсь присоединился и корпусъ войскъ Дерфельдена. Время стоянки у Кобылки было посвящено начальниками колоній, предназначенными для штурма Праги, на рекогносцировку ея укрѣпленій. Тамъ-же въ лѣсахъ плелись туры, дѣлались фашины, лѣстницы и приготовлялся хворостъ. Утромъ 22 октября русскіе съ распущенными знаменами съ музыкою, при грохотѣ барабановъ тронулись изъ лагеря и, по заранѣ отданному приказанію, обложили Прагу, прогнавъ непріательскіе передовые посты. Съ возведенныхъ батарей былъ открытъ усиленный огонь съ цѣлью заставить поляковъ думать, что армія наша намѣрена приступить къ правильной осадѣ, тогда какъ штурмъ ея былъ уже окончательно рѣшенъ Суворовымъ, диспозиція составлена и знаменитый, неожиданный поляками, приступъ назначенъ на 24 октября. Прагу защищали 30 тысячъ поляковъ подъ начальствомъ Мокроновскаго. У Суворова войскъ было немного, но онъ все таки рѣшился на штурмъ, такъ какъ лучшія войска поляковъ были уничтожены подъ Маціевицами, а ихъ даровитый вождь былъ въ плѣну. Для штурма войска наши были раздѣлены на 7 колоній, къ которымъ присоеди-

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

нена была и часть регулярной кавалеріи. Харьковскій полкъ былъ назначенъ въ одинъ изъ четырехъ кавалерійскихъ резервовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Г.-М. Шевича ¹⁾. Пѣхота вся пошла на приступъ, и резервовъ ея поэтому не было.

Съ безпримѣрною храбростью велся этотъ скоропостижный штурмъ. Солдаты помнили, что въ той Варшавѣ, которая лежитъ за Прагою, многіе ихъ товарищи полъ года тому назадъ такъ предательски нанесли смерть, а многіе томились еще въ неволѣ, ожидая отъ нихъ избавленія. При томъ-же со взятіемъ Праги и Варшавы должна была окончиться эта тянущаяся такъ долго война, а изнуренныя походами и лишеніями войска нуждались въ отдохновеніи.

Хотя Харьковскій легкоконный полкъ непосредственнаго участія въ штурмѣ не принималъ, но многіе изъ его чиновъ участвовали въ немъ въ качествѣ охотниковъ. 23-го вечеромъ эти охотники были собраны и распредѣлены по колоннамъ. «Охотники эти», говорилось въ приказѣ, «со своими начальниками станутъ впереди колоній (по 128 при каждой съ 272 работниками), съ ними рабочіе,—они понесутъ плетни для закрытія волчьихъ ямъ, фашины для завидки рвовъ, лѣстницы, чтобы лѣзть изъ рва черезъ валъ» ²⁾. Далѣе приказывалось «стрѣльбой не заниматся, ... бить и гнать враговъ штыками, работать быстро, храбро, по русски..., безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтнихъ не трогать».

Ночь съ 23 на 24 была теплая, чисто лѣтняя, но очень темная. Въ полной темнотѣ съ соблюденіемъ строжайшей тишины стали войска по колоннамъ въ назначенныхъ диспозиціо мѣстахъ. Колонны подошли такъ близко къ укрѣпленіямъ, что слышенъ былъ даже разговоръ поляковъ. По сигнальнымъ ракетамъ колонны двинулись на штурмъ. Услышавъ, наконецъ, приближеніе нашихъ войскъ, Прага разразилась шумною пальбою. Русскіе не отвѣчали. Съ крикомъ

¹⁾ Масловскій. Воен. Сб. 1893 г., № 11, стр. 25.

²⁾ Рус. Инв. 1847 г., №№ 151—154. Разказы стараго воина о Суворовѣ.

Ура! колонны бросились, засыпая рвы фашининомъ, на валъ и подбѣли по приставленнымъ лѣтницамъ. Бывшая предъ этимъ глубокая тишина смѣнилась криками сражающихся, стопами раненыхъ, пушечною и ружейною пальбою. Укрѣпленія переходили въ наши руки. Штыками сбитые съ вала поляки бросились въ Прагу, за ними на плечахъ ворвались наши солдаты, гдѣ и загорѣлся ужасный бой, правильнѣе безпощадная рѣзня. Наши солдаты были осыпаны жителями изъ оконъ пулями. Даже женщины бросали на голову все, что попадало подъ руку. Это до крайности раздражало нашихъ воиновъ. Они врѣвались въ дома, забывъ приказъ Суворова, и смерть была на каждомъ шагѣ. Непрiятель бросился было къ мосту, желая бѣжать въ Варшаву, но мостъ оказался, по приказанiю Суворова, разрушеннымъ. Спасенiя не было ни гдѣ. Поляки, не желая сдаваться, гибли подъ ударами разсвирѣпѣвшихъ воиновъ, или тонули въ Вислѣ, куда бросались, тщетно ища тамъ спасенiя.

Наконецъ, стрѣльба кончилась, защитники Праги погибли. Пожаръ, зажженный гранатами, истреблялъ предметъ, солдаты грабили дома по катихизису Суворова—«возьми лагерь—все ваше; возьми крѣпость—все ваше». А награду они заслужили, взявши такія страшныя укрѣпленія съ глубокимъ ровомъ и полисадомъ! Поляки потеряли убитыми и утонувшими около 9—10 тысячъ, ранеными отъ 11 до 13, всего до 23 тысячъ ¹⁾. Это была хорошая тризна по погибшимъ русскимъ во время революціи! Мы потеряли около 300—400 убитыми и около 2 тысячъ ранеными.

При штурмѣ Праги отличились нѣсколько офицеровъ Харьковскаго полка. Изъ нихъ Ротмистръ Стратимировичъ, поручики Воеводскій, Тодоровичъ, Клицина, Корнетъ Лысенко и Вахмистръ Поповъ находились по собственному желанiю въ 6-ой колоннѣ Г.-М. Рахманова. Всѣ они были впереди съ охотниками подъ командою Маiора Башнинова, «отважно и

¹⁾ Воен. Сбор. 1893 г., № 11, ст. 29.

храбро (по аттестаціи Рахманова), бросившись черезъ ровъ на валъ, ободрили и подали примѣръ стрѣлкамъ завладѣть валами и поражать на штыкахъ непрiятеля» ¹⁾. Въ той-же 6-й колоннѣ отличился Поручикъ Воеводскій. Будучи впереди съ охотниками, онъ первый взомель на батарею и овладѣлъ одною пушкою, преслѣдовалъ потомъ съ Поручикомъ Адамовымъ непрiятеля до самаго моста. Онъ врѣвался съ охотниками въ дома, гдѣ поляки засѣли и стрѣляли изъ оконъ, выбивая оттуда, а нежелавшихъ сдаваться убивая ²⁾. Отличили себя «расторонностью», при развозѣ приказанiй, бывшіе ери Суворовъ Ротмистръ Аленинъ, поручики Христовъ, Черноглазовъ и Вахмистръ Алексѣй Кициковъ. Въ числѣ отличившихся упоминается и Поручикъ Миргородскій. Нѣкоторые изъ офицеровъ были награждены Суворовымъ слѣдующими чинами, а Вахмистръ Иванъ Поповъ—корнетскимъ чиномъ. Кроме того, всѣ участники штурма были впоследствии награждены особымъ знакомъ—золотымъ крестомъ на георгиевской лентѣ. На одной его сторонѣ стояла надпись «за труды и храбрость», на другой «Прага взята 1794 года, 24 октября». Этотъ знакъ былъ данъ всѣмъ офицерамъ, не получившимъ за штурмъ ордена Св. Георгія и Св. Владиміра. Такими золотыми крестами были награждены 12 офицеровъ Харьковскаго полка ³⁾. Для нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ польской войнѣ и штурмѣ, была утверждена серебряная четырехугольная медаль для ношенія въ петлицѣ на красной лентѣ. 873 человека нижнихъ чиновъ Харьковскаго полка получили такія медали ⁴⁾.

Варшава сдалась на капитуляцію. 29 октября послѣдовало торжественное вступленіе въ нее русскихъ войскъ. Магистратъ города тогчасъ-же представилъ Суворову всѣхъ пѣнныхъ генераловъ, чиновъ, захваченныхъ при посольствѣ, офицеровъ

¹⁾ Воен. Учен. арх. от. 1, № 1220; Мос. арх. оп. 196, № 8.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, оп. 58, св. 400.

⁴⁾ Ibidem.

и пияныхъ чиновъ, числомъ 1376. Суворовъ въ своемъ донесеніи пишетъ, что «зрѣлище при свиданіи ихъ съ нашими было не только слезное и чувствительное, но важное и нѣчто священное. Они съ радостными слезами называли ихъ избавителями, кидались обнимать побѣдителей, враговъ, а своихъ защитниковъ»¹⁾.

Поляки содержали плѣнныхъ и обходились съ ними во все время хорошо, кромѣ первыхъ дней, слѣдовавшихъ за революціею. Последнее-же время, за нѣсколько дней до штурма, жизни ихъ снова стала угрожать страшная опасность, виновникомъ чего былъ Ксендзь Гуго Коллонтай. Этотъ Коллонтай, выдающийся польскій писатель, принималъ дѣятельное участіе въ конституціи 3-го мая и былъ собственно главнымъ ея творцомъ. Въ возстаніи, поднятомъ Косцюшкою, онъ игралъ также не послѣднюю роль, хотя и былъ тайнымъ врагомъ диктатора. Онъ былъ членомъ народной рады и завѣдывалъ казною. Коллонтай писалъ пламенные воззванія къ молодежи, призывая ее къ оружію и прикидываясь горячимъ патриотомъ²⁾. Этотъ самый Коллонтай внесъ предложеніе въ раду умертвить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и повѣсить всѣхъ содержавшихся подъ арестомъ поляковъ, которыхъ подозревали въ приверженности къ русскому правительству. Намѣреніе это положено было привести въ исполненіе въ день вступленія нашихъ войскъ въ Варшаву. Этотъ горячій патриотъ успѣлъ за нѣсколько часовъ до вступленія уйти, укравъ 150 тысячъ червонныхъ народныхъ денегъ, бывшихъ у него на храненіи³⁾. Въ числѣ освобожденныхъ плѣнныхъ было много прусаковъ и австрійцевъ. Всѣ плѣнные имѣли, значить, серьезныя причины плакать отъ радости и благодарить своихъ избавителей изъ неволи и отъ смерти.

Всѣ чины Харьковскаго полка, въ числѣ 111 человекъ, по своемъ освобожденіи, вернулись въ свой полкъ и были въ

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

²⁾ Kongresp. 1049 ст. № 47.

³⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1220.

него зачислены (6 ноября). Бригадиръ Карлъ Фёдоровичъ Боуръ снова вступилъ въ командованіе полкомъ¹⁾.

Два офицера не вернулись изъ плѣна и въ числѣ освобожденныхъ ихъ не оказалось—Секундъ-майоръ Клавдъ-де-Белькотъ и Корнетъ Ожаровскій. Первый изъ нихъ былъ переведенъ въ полкъ изъ Мариупольскаго легко-коннаго полка въ 1792 году, второй въ 1794 году—изъ расформированныхъ въ томъ году польскихъ войскъ. Что случилось съ этими офицерами—неизвѣстно. Передались, вѣроятно, на сторону поляковъ и, при торжествѣ русскаго оружія, бѣжали. Эти иностранцы ничего общаго съ русскими не имѣли, почему, конечно, ихъ поступки и не могутъ ложиться пятномъ на полкъ, всегда, болѣе уже столѣтія, такъ свято слѣдовавшій своему долгу. Суворовъ, получившій за взятіе Праги чинъ фельдмаршала и другія награды, тотчасъ-же съ обычною своею быстротою приступилъ къ обезоруженію польскихъ войскъ, которыя, впрочемъ, охотно, даже часто вопреки приказаніямъ своихъ начальниковъ, исполняли требованіе положить оружіе. 8 ноября фельдмаршалъ сообщилъ объ этомъ Репнину и послалъ рапортъ гр. Румянцеву-Задунайскому: «Варшава. День Архистратига Михаила. Вивать Великая Екатерина! Все кончено, Сіятеельвѣйшій Графъ! Польна обезоружена! Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій»²⁾.

Такимъ образомъ, кончилась эта война, затянувшаяся до глубокой осени. Надоѣла она и русскимъ, надоѣла и полякамъ, что ясно изъ той готовности, съ которою хотѣли они отдать Суворову Варшаву по первому-же его требованію. Если же переговоры нѣсколько и затянулись, то это случилось влѣдствіе оппозиціи со стороны небольшой партіи. Видно это

¹⁾ Освобождены были изъ плѣна: Бригадиръ Боуръ, Секундъ-майоръ Свистановъ, Поручикъ Немаркъ, Корнетъ Броунъ, Рекуновичъ, Якубенко, Будяскій, Цездыковъ, берейторъ Иваловъ, Вахмистръ Францъ Прусскій.—Рап. пол.

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 101. На письмѣ стоитъ помѣтка «17 число» (это новому стилю); день св. Арх. Михаила—8 ноября, что должно было-бы быть 20 число по новому стилю, 17-же составляетъ 5. Снова ошибка, какъ и въ датахъ относит. революціи.

и изъ той быстроты, съ которой Суворову удалось обезоружить войска. Одинъ только Вавжецкій пытался было уйти, но подчиненныя ему войска буквально таяли и разбѣгались въ стороны, такъ что онъ принужденъ былъ положить оружіе около Радошицы. Польша окончательно перестала существовать, земли ея по третьему раздѣлу были разобраны Россією, Австрією и Пруссією. Эти послѣднія два государства получили спова болѣе лучшія ея части, получили незаслуженно, ибо въ продолженіи столькихъ лѣтъ непрерывныхъ войнъ вся тяжесть ихъ ложила на одну только Россію. Сбылись, такимъ образомъ, пророческія слова одного изъ королей Польши, съ удивительною точностью предсказавшаго за много лѣтъ конечную судьбу нѣкогда могущественнаго государства. 10 ноября Суворовъ распорядился о расположеніи войскъ на зимнія квартиры. Харьковскій полкъ, состоявшій въ 3-мъ корпусѣ Ферзена и въ бригадѣ Г. Денисова, былъ расположенъ въ Боровцахъ ¹⁾. Но полку не приходилось вполнѣ отдыхать послѣ столькихъ трудовъ, ибо часто приходилось конвоировать плѣнныхъ малыми командами и цѣлымъ полкомъ. До конца этого года полкъ перемѣнилъ нѣсколько квартиръ, былъ въ Брестъ-Литовскѣ, въ с. Сѣраховцахъ, а 1 января 1795 года застало его въ с. Головичи. Третій эскадронъ полка оставался долго около Варшавы съ вагенбургомъ, гдѣ было оставлено также полковое казначейство. На полкъ было возложено самому довольствоваться лошадями. На четверть овса отпускалось 18, а на пудъ сѣна 2 польскихъ злотыхъ.

Въ продолженіи всего истекшаго года полкъ Харьковскій понесъ особенно чувствительную потерю въ лошадяхъ. Въ началѣ 1794 года въ немъ было 907 строевыхъ и 97 подъемныхъ, всего 1004 лошадей, т. е., то, что полагалось имѣть по штату. Къ 1-му января слѣдующаго года при полку было только на лицо 587 строевыхъ и 71 подъемныхъ лошадей, да 38 числившихся въ отлучкахъ. Требовалось въ добавку

¹⁾ Моск. арх. оп. 199, № 36.

282 строевыхъ и 26 подъемныхъ. Въ продолженіи года было куплено полкомъ 218 строевыхъ (и 10 подъемныхъ) и прибыло изъ командировки 99 лошадей (и 83 подъемныхъ). Вся убыль въ теченіи года равнялась 500 лошадямъ строевымъ; это число складывалось такъ:

пристрѣлено за неизлечимыми болѣзнями	86
пало	82
убито и захвачено въ Варшавѣ 289, убито при Мадіевицахъ, 25, пало изъ раненыхъ при Песочной 2 и при Мадіевицахъ 25, всего убито и пало отъ ранъ	332

500¹⁾

Полку, значить, предстояло много хлопотъ, чтобы довести все до штатнаго положенія. Въ немъ не доставало болѣе, чѣмъ однаго эскадрона (282 стр. и 26 подьем.), а сколько изъ числившихся въ полку лошадей было запаленныхъ, разбитыхъ на ноги форсированными маршами! Въ слѣдующемъ году такихъ было выключено 60 лошадей, когда войны уже не было, и это число несомнѣнно досталось по наслѣдству отъ прошлаго.

Въ продолженіи 1795 года Харьковскій полкъ находился все еще въ предѣлахъ Польши и недавно присоединенныхъ отъ нея областей, участвуя въ кампанентахъ и стоя на стражѣ русскихъ интересовъ въ только что окончившемъ свое существованіе королевствѣ, гдѣ ежеминутно могли возникнуть новые безпорядки. Въ теченіи этого года полкъ постоянно перемѣнял свои стоянки; новый годъ засталъ его въ с. Головичи, въ мартѣ онъ уже былъ въ г. Ковелѣ, а въ сентябрѣ въ Пружаннахъ Гродненской губ. Послѣ этого полкъ получилъ приказаніе слѣдовать на зимнѣе-квартиры въ предѣлы Имперіи въ Волынскую губернію, въ м. Ровно, куда въ концѣ сентября и прибылъ, поступивъ подъ начальство Гр. Румянцева, состоя въ 3-ей дивизіи Деффельдена и въ бригадѣ Г.-М. Бобровскаго ¹⁾.

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

Глава XII.

Уставы Императора Павла I и другія пововеденія по прусскому образцу.—Шефы, полковые командиры.—Преобразование Харьковскаго полка въ кирасирскій.—Штатъ.—Роты, эскадроны.—Ремонтирование.—Фуражное довольствіе.—Заботы объ офицерахъ.—Наказанія за просрочки офицерами отпуска.—Частые переводы.—Форма одежды Харьковскаго полка.—Штабдарты.—Харьковъ—снова стоянка полка.—Шефъ Г.-Л. Мейндорфъ.—Усмиреніе крестьянъ.—Походъ въ Москву—Частая смена шефовъ.—Г.-М. Козенсъ.—Полкъ покидаетъ Харьковъ.—Драгуны.—Новое переформированіе полка.—Форма и снаряженіе драгунъ.

Съ первыхъ-же дней воцаренія, Императоръ Павелъ Петровичъ съ лихорадочною поспѣшностью началъ вводить въ армію преобразование—плоды его долготѣлннхъ занятій со своимъ маленькимъ гатчинскимъ отрядомъ. Черезъ 23 дня послѣ восшествія на престолъ были уже изданы новые уставы. Ихъ великій Суворовъ называлъ «пѣмороссійскимъ переводомъ», ибо они были, въ дѣйствительности, не болѣе, какъ только переводъ съ прусскаго, при томъ даже плохой переводъ. Уставы эти отличались мелочными подробностями; они, по словамъ самаго Императора, должны были «предписать всѣмъ, начиная отъ фельдмаршала (во время, напр., кампаніи ему и генераламъ было запрещено *ужинать* подъ онассіемъ вычета изъ жалованія) и кончая рядовымъ все то, что должно имъ дѣлать»¹⁾. Новые для русскихъ уставы обращали солдата, «подлаго и неловкаго мужика», въ автомата, «въ обрубокъ дерева». Малѣйшее отступленіе отъ параграфовъ считалось тогда «умищаніемъ», и для искорененія его всѣ начальствующія лица до унтеръ-офицеровъ носили «трости», какъ символъ власти, не разставаясь съ ними даже въ кон-

номъ строю. Трость эта была обыкновеннѣйшая палка съ костянымъ набалдашникомъ. По словамъ Фридриха, имянуемаго великимъ, «солдатъ долженъ болѣе бояться палки своего капрала, чѣмъ штыка непріятельскаго».

Во время своей поѣздки въ Берлинъ, Императоръ Павелъ, тогда еще наследникъ, былъ восхищенъ стройными движеніями прусскихъ войскъ, продѣлывавшихъ на учебномъ полѣ разныя замысловатыя построенія, непримѣнимыя въ бою. Добиваясь завести тоже и у себя, Императоръ началъ вводить въ армію все прусское—уставы, неудобную форму обмундирования, нарядивъ нашихъ солдатъ въ чулки и лакированные башмаки. Снова введены были длинные волосы, пудра, косы, булки, ленточки и т. п. Сложной уборки волосъ предписывалось въ свободное время обучать солдатъ, и трости, наказывая неискусство ихъ въ этомъ, находили для себя большое примѣненіе.

Вся армія, кромѣ гвардіи, въ отношеніи военнаго управленія, была раздѣлена на 12 дивизій, получившихъ вскорѣ названіе инспекцій. Общій характеръ этой организаціи нѣсколько сходенъ съ современной системой военныхъ округовъ (уничтожены были инспекціи въ 1806 году). Харьковскій полкъ при этомъ раздѣленіи попалъ въ Украинскую инспекцію, и его стоянкою снова назначался Харьковъ. Продолжая свои преобразованія, Императоръ Павелъ уничтожилъ старинныя коренныя названія полковъ, съ коими всѣ давно уже свыклись и съ именами которыхъ было связано много славныхъ воспоминаній. Онъ повелѣлъ именоваться имъ по фамиліямъ шефовъ¹⁾, бывшихъ въ генеральскомъ чинѣ. Это породило странную путаницу, ибо шефы часто мѣнялись, а съ ними и названія полковъ; при томъ были однофамильцы, а значить, и полки съ одними названіями. Въ теченіи двухъ, напр., лѣтъ въ Харьковскомъ полку смѣнилось четыре шефа, по фамиліямъ коихъ полкъ именовался. Это, вообще, было

¹⁾ Ивановъ. Русская кавал. ст. 139; Петровъ. Рус. воен. сила, II, 264.

¹⁾ Пол. Соб. Зак. № 18,725.

время быстрыхъ перемѣнъ, возвышеній и превращеній офицеровъ, нерѣдко высокихъ чиномъ, въ рядовые. Солдаты часто неумѣли назвать полка, гдѣ служили, особенно если шефъ носилъ какую либо трудную нѣмецкую фамилію: нѣмцы-же тогда наводнили нашу армію. Одинъ солдатъ на вопросъ, какого онъ полка, отвѣтилъ: «не знаю, прежде былъ такого-то, а потомъ какому-то нѣмцу данъ полкъ отъ Государя». Однажды Суворовъ, открыто порицавшій всѣ прусскія введенія, чѣмъ и навлекъ гнѣвъ Императора, спросилъ наряженнаго къ нему ординарца названіе полка.—«Драгунскій Шенелера», отвѣчалъ офицеръ.—«Я этого не знаю, возразилъ Суворовъ, какъ звался полкъ прежде?»—«Петербургскій».—«А, знаю, знаю!—славный полкъ!»¹⁾).

Шефъ долженъ былъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ нововведеній и секретно обо всемъ сноситься непосредственно съ самымъ Государемъ. На отвѣтственности шефа лежала вся строевая и хозяйственная части полка. Въ послѣднюю введена была строгая отчетность. Приняты были мѣры ограждать всѣхъ отъ произвола и несправедливости начальниковъ и чтобы до чиновъ полка доходило все, полагавшееся отъ казны, а неукладывалось бы въ карманы командировъ, получавшихъ прежде отъ 20 до 25 тысячъ годового дохода. Съ назначеніемъ шефовъ былъ оставленъ и «полковой командиръ» въ чинѣ полковника; но онъ былъ не болѣе, какъ ближайшій его помощникъ: онъ наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ его распоряженій, осматривалъ, по приказанію шефа, эскадроны и только въ его отсутствіе командовалъ полкомъ. Адъютантъ, казначей и квартирмейстеръ за приказаніями относились непосредственно къ шефу, а къ полковому командиру обращались, когда онъ находился въ штабъ-квартирѣ, но онъ часто отсутствовалъ, командуя вмѣстѣ съ тѣмъ эскадрономъ, стоянкой котораго могло быть и не мѣсто расположенія штаба. Значеніе эскадроннаго командира было усп-

¹⁾ Петровъ. Рус. воен. сила, II, 248.

лено: онъ непосредственно утверждался Императоромъ и имъ только могъ быть смѣненъ.

Держась мирной политики, новый Государь сократилъ армію съ 500 тысячъ до 322^{1/2}¹⁾, уменьшивъ численный составъ полковъ. Легкоконные полки, твореніе Потемкина, были частью переформированы въ кирасирскіе и гусарскіе, частью совсѣмъ расформированы. Такъ, окончилъ свое существованіе самый старинный полкъ, родственный Харьковскому.—Остро-гожскій (29 ноября 1796 года). Харьковскій полкъ повелѣно было переформировать въ кирасирскій 5-ти эскадроннаго состава. Численность кирасирскаго полка времени Екатерины равнялось 1121 человѣку; это число Императоръ Павелъ сначала уменьшилъ до 1016, потомъ до 869 человѣкъ. Офицеры—37,—за исключеніемъ шефа и адъютанта, распределялись по ротамъ: въ штабъ (старшихъ) ротамъ по 4, а въ пяти младшихъ по 3; всѣхъ въ эскадронѣ—7. Распределеніе офицеровъ шло не по старшинству, а по достоинству; этимъ правиломъ шефы должны были руководствоваться и при назначеніи командировъ частей. Эскадронъ раздѣлялся по прежнему на двѣ роты съ 16 рядами во взводахъ. Роты именовались не по номерамъ, а такъ:

- 1) Лейбъ рота шефа полка;
- 2) Рота полкового командира;
- 3) » подполковника такого-то (по фамиліи);
- 4) » 1-го майора » »
- 5) » 2-го » » »
- 6) » 3-го » » »
- 7) » 1-го ротмистра » »
- 8) » 2-го » » »
- 9) » 3-го » » »
- 10) » 4-го » » »

Названія эти были непостоянныя и зависѣли отъ бывшихъ на лицо офицеровъ. Такъ, въ 1799 году въ полку было 5 подполковниковъ и одинъ только майоръ, но чинамъ и фамиліямъ которыхъ роты и назывались: эскадроны изъ ротъ составлялись такъ: лейбъ-рота становилась въ строй съ ро-

¹⁾ Ивановъ. Рус. кав. стр. 147.

тою 3-го майора (6-я), составляя, такимъ образомъ, эскадронъ—первый по старшинству; рота полкового командира съ ротою (7) 1-го ротмистра составляла другой эскадронъ и т. д. Въ развернутомъ фронтѣ полка эскадроны размѣщались такъ: съ праваго фланга становился 1-й эскадронъ, съ лѣваго—2-й; правѣ его 4-й и по срединѣ 5-й, а между нимъ и 1-мъ—3-й; значить, не по порядку номеромъ, конхъ въ тенерешнемъ смыслѣ и не было, а 1, 3, 5, 4 и 2-ой. Въ строю старшіе эскадронные командиры командовали дивизионами, съ эскадронами—старшіе командиры ротъ. Это построение можетъ служить образчикомъ той извѣстной путаницы, которая царила въ новыхъ уставахъ¹⁾.

Въ способѣ ремонта кавалеріи лошадьми введены были также нѣкоторыя измѣненія. Шефъ полка долженъ былъ ежегодно командировать одного офицера и 4-хъ унтеръ-офицеровъ для покупки ремонтныхъ лошадей. Назначеніе времени и мѣста, гдѣ какому полку покупать, предоставлялось генераль-инспектору съ тѣмъ расчетомъ, чтобы лошади были уже приведены въ полкъ въ октябрѣ. На покупку кирасирской лошади, ростомъ не ниже 1½ вершка, полагалось 100 р.; деньги ежегодно отпускались въ полки комиссаріатомъ. Лошади должны были приобретаться не моложе 5-ти и не старше 8 лѣтъ, произвольной масти и служить во фронтѣ 6 и болѣе лѣтъ, смотря по вѣрности. Съ мѣста покупки лошади приводились наемными людьми подъ надзоромъ унтеръ-офицеровъ. Всѣ расходы—на фуражъ, ковку, лекарство—покрывались остаткомъ отъ ремонтной цѣны, который отъ покупки кирасирской лошади опредѣлялся рублемъ въ 20. Остатками этими могъ располагать генераль-инспекторъ и уравнивать ихъ между полками, находившимися въ разныхъ условіяхъ относительно удобства ремонта²⁾. Фуражная дача была увеличена: на каждую строевую лошадь полагалось (указъ

¹⁾ Военскій уставъ о пол. кав. сл. гл. II. Пол. Соб. Зак., XXIV, № 17590.

²⁾ Мос. арх. оп. 200, № 42.

30 Мая 1797 года), кромѣ 6 ведѣль въ году—съ 15 іюня по 1 августа, по 4 гарца овса и по 15 фун. сѣна; послѣ было еще прибавлено 2½ фун. и 16 золотниковъ соломы. Подъемныя-же и вьючныя лошади довольствовались 2²/₃ гар. овса и 20 фун. сѣна, кромѣ 8 ведѣль въ году¹⁾.

При переформированіи Харьковскаго легкоконнаго полка недоставало 247 лошадей, согласно требованіямъ отъ кирасирской лошади. На приобретеніи ихъ было отпущено 24.700 р. и ежегодная ремонтная сумма—15.000 р. Кромѣ того, въ полкъ было зачислено изъ расформированнаго тогда Украинскаго конно-егерскаго полка 63 лошади, а также 16 унтеръ-офицеровъ и 217 рядовыхъ²⁾.

Императоръ, заботясь объ улучшеніи быта офицеровъ, увеличилъ имъ содержаніе на 15—20%: полковникъ сталъ получать 900 р. вмѣсто прежнихъ 789, майоръ 460—426, прапорщикъ 200—172 р. Далѣе онъ пожаловалъ (приказъ 8 іюня 1797 года) безвозмездно оберъ-офицерамъ кавалеріи по 1 лошади изъ ремонта; кто-же не пожелалъ таковой, тотъ могъ получить полностью ремонтную сумму. Подобную раздачу лошадей повелѣвалось производить и впредь. Каждый офицеръ получалъ изъ ремонта въ полную свою собственность лошадь, срокъ службы которой полагался, что и прочимъ лошадямъ. Но если до истеченія этого срока лошадь издыхала или дѣлалась негодной къ службѣ, то новая приобреталась уже за счетъ офицера, исключая убитыхъ или испорченныхъ въ военное время. Императоръ, стараясь оградить офицеровъ отъ произвола командировъ, ввелъ болѣе правильное производство. Рядомъ съ этимъ онъ требовалъ отъ офицеровъ точнаго исполненія служебныхъ обязанностей, и виновные въ томъ подвергались при немъ строгой отвѣтственности. Прежде всего онъ повелѣлъ Военной Коллегіи (Указъ 2 декабря 1796 года) собрать въ полки всѣхъ офицеровъ, находив-

¹⁾ Пол. Соб. Зак. т. XXIV, №№ 17962 и 17977.

²⁾ Мос. арх. оп. 200, № 42.

нихся въ прикомандированіи къ другимъ частямъ, бывшихъ въ продолжительныхъ отпускахъ, въ командировкахъ, въ кои начальники имѣли обыкновеніе посылать ихъ по своимъ частнымъ надобностямъ. Всѣмъ этимъ офицерамъ повелѣвалось немедленно возвратиться въ свои части подъ угрозой исключенія изъ службы. Невозвратившіеся дѣйствительно скоро были исключены; въ Харьковскомъ полку такихъ набралось 19 человекъ¹⁾. Приказано было собрать и всѣхъ «растасканныхъ» нижнихъ чиновъ—находившихся на работахъ въ имѣніяхъ своихъ командировъ и вообще въ незаконныхъ командировкахъ. Такихъ набралось въ арміи не болѣе и не менѣе, какъ 50 тысячъ! Отпуски, которыми офицеры широко прежде пользовались, теперь были очень ограничены: позволялось увольнять изъ полка не болѣе двухъ сразу, а во время лѣтнихъ занятій, съ 1 апрѣля по 1 сентября, таковыя и вовсе были запрещены. Шефъ объ офицерахъ, просрочившихъ свои отпуски, долженъ былъ рапортовать непосредственно Государю. О нихъ повсюду дѣлались публикаціи «съ барабаннымъ боемъ», ихъ приказано было заключать въ крѣпость на 2 года и послѣ того «выкинуть изъ службы»²⁾. Императоръ Павелъ старался ограничить переводы изъ полка въ полкъ, но они бывали при немъ еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Въ 1797 году изъ Харьковскаго полка, напр., ушло 66 офицеровъ. Изъ нихъ одновременно подало въ отставку 23, вѣроятно; не желая мириться съ новыми, строгими порядками. Въ этомъ-же году ушло въ отставку еще 6 человекъ, перевелось въ другіе полки 5, а за отлучку изъ полка было исключено 19 человекъ. Нѣкоторые были «исключены за лѣность по Высочайшему повелѣнію изъ службы»; исключались за пьянство, напр., Корнетъ Краевичъ; за грубость шефу безъ суда, напр., Поручикъ Хажичъ³⁾. Въ полкахъ было много сверхкомплектныхъ офицеровъ, которые и

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

²⁾ Пол. Соб. Зак. т. XXIV, № 17590, «Воинскій Уставъ», гл. XL.

³⁾ Мѣс. рап. пол.

пополняли эти громадныя убыли. Въ 1797 году, напр., въ февралѣ въ полку было 56 сверхкомплектныхъ офицеровъ разныхъ чиновъ, начиная съ бригадира.

Вмѣстѣ съ приказомъ о переформированіи полка въ кирасирскій повелѣно было отправить въ Петербургъ полковаго квартирмейстера, унтеръ-офицера, трубача и рядового. Всѣ они тамъ были обмундированы въ новую форму, снабжены всѣми ея принадлежностями и научены процессу одѣванія, убиранія волосъ въ косы и бубли. Пошитая въ столицѣ форма должна была служить образцомъ для постройки ея въ полку, а командированные чины—передать другимъ постигнутое ими искусство одѣванія.

Новая форма Харьковскихъ кирасиръ выглядѣла нѣсколько траурною, такъ какъ являла собою сочитаніе цвѣтовъ бѣлаго съ чернымъ при серебряномъ приборѣ. Кирасирское обмундированіе и снаряженіе состояло изъ слѣдующихъ частей: колетъ, камзолъ, узкіе лосиновые штаны, тупоносые сапоги съ раструбами, штибель-монжеты изъ бѣлаго рубашечнаго холста, перчатки съ крагами, плащъ, шляпа, фуражная шапка, китель, фуфайка; съ чернымъ ременнымъ темлякомъ палашъ, носимый на толстой красной юхты портупей; кожаная ташка съ черной суконной крышккой, обшитой бѣлымъ басонномъ, на ней вензель и лавры; кушакъ, кирасъ черный обшитый кругомъ красною кожею, подбитый холстомъ на ватѣ; карабинъ (кромѣ унтеръ-офицеровъ), погонная перевязь, лялунка, изъ толстой черной кожи съ мѣдною бляхою, на 30 патроновъ, и 2 пистолета въ кобурахъ.

Колетъ сначала полагался изъ палевой, а позднѣе (февраль 1797 годъ) изъ бѣлой киразы, а въ случаѣ недостатка ея, изъ бѣлаго сукна съ отложнымъ чернымъ суконнымъ воротникомъ, съ разрѣзными черными обшлагами и съ двумя черными погонами. По краямъ борта до пояса и по краямъ фалды нашивался шерстяной черный басонъ (³/₄ вершка шириною). У офицеровъ колетъ былъ тѣхъ-же цвѣтовъ, что и

у нижних чиновъ, только воротники, обшлага и подкладка на фалдахъ полагались изъ чернаго бархата. Колетъ унтеръ-офицеровъ и вахмистровъ отличался отъ рядовыхъ серебрянымъ галуномъ на воротникѣ и обшлагахъ.

Камзолъ дѣлался изъ чернаго сукна по образцу пѣхотнаго съ крючками вмѣсто пуговицъ; у офицеровъ онъ былъ только обшитъ по краямъ серебрянымъ галуномъ. Треугольная шляпа—съ оранжевымъ султанчикомъ, въ 4 вершка вышиною съ острыми углами, съ кокардою изъ чернаго гаруснаго шнура съ кистями (у офицеровъ изъ серебряныхъ нитокъ и чернаго шелку). Плащъ съ узкимъ стоячимъ воротникомъ чернаго цвѣта вначалѣ дѣлался изъ зеленаго сукна, потомъ изъ бѣлаго; позднѣе онъ былъ замѣненъ шенелью темно-зеленаго цвѣта.

Кромѣ всего этого, у офицеровъ былъ еще суконный бѣлый виць-мундиръ, носимый внѣ службы. Дѣлался онъ съ отложнымъ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, такими-же лацканами и разбѣжными обшлагами, съ завороченными фалдами, подбитыми палевымъ стамедомъ (Императоръ старался оформить до мельчайшихъ подробностей все: этотъ самый стамедъ, которымъ былъ подшитъ виць-мундиръ, уставъ предписывалъ замѣнять зимою байкою, «но не имѣть для сего двухъ» [виць-мундировъ]), съ аксельбантомъ и пуговицамъ. При виць-мундирѣ носился суконный палевый камзолъ съ плоскими пуговицами, суконные бѣлые штаны и шага. Весь этотъ костюмъ довершали напудренные волосы, болтавшаяся на затылкѣ коса, туго перевитая проволокою и переплетенная черною лентою, а около ушей—насаленные букли.

Прежнее венгерское сѣдло было замѣнено нѣмецкимъ изъ черной кожи; на него надѣвался черный суконный чапракъ, обшитый бѣлымъ басономъ съ черными полосками (у офицеровъ—галуномъ) съ венеземъ и лаврами ¹⁾.

¹⁾ Висковатовъ. Ист. оп. одѣж. т. VIII.

11 февр. 1798 года при Высочайшей грамотѣ Харьковскому полку (мы называемъ полкъ его старымъ именемъ) было пожаловано 5 штандартовъ, по числу эскадроновъ. Штандарты эти были четырехугольные, 12 вершковъ въ длину и 10 вершковъ въ ширину по древку. На полотнѣ, ближе къ нижнему углу и къ древку, находилось изображеніе бѣлаго парящаго орла, смотрящаго на золотой въ сѣннѣ крестъ (въ противоположномъ углу, по діагоналѣ), долженствовавшій изображать собою символъ побѣды, видимый Конституціономъ Великимъ во снѣ. Эти два изображенія находились въ рамкѣ, углами которой были золотые вензеля Императора, а сторонами—лавровыя вѣтви. Полотно было обшито бахромой. Древко-зеленаго цвѣта съ золотыми полосками; на немъ вызолоченное копье съ двуглавымъ орломъ внутри. Шнуръ и кисти серебряные съ перемѣшанными черными и оранжевыми шелковыми нитками. Въ шефскій эскадронъ штандартъ былъ пожалованъ бѣлаго цвѣта съ розовыми углами; прочіе—розовые съ пюсовыми углами, съ серебрянымъ шитьемъ и бахромою ¹⁾.

Вслѣдствіе назначенія Харьковскаго легконнаго полка въ составъ Украинской дивизіи, онъ покинулъ городъ Ровно и направился въ Харьковъ, который снова дѣлался его стоянкою. По дорогѣ полкъ застрялъ въ г. Тулчинѣ (Волинской губ.), гдѣ отбылъ кампантъ и оставался до конца 1797 годъ. Здѣсь онъ узналъ о послѣдовавшемъ приказѣ переформировать его въ кирасирскій. Полкомъ все еще командовалъ Боуръ, но скоро послѣдовало повелѣніе всѣмъ бригадирамъ временно сдать полки полковникамъ, состоявшимъ сверхъ комплекта ²⁾. Таковымъ явился въ Харьковскомъ полку Фризь. Но Боуръ продолжалъ командовать и обращался рапортами къ начальству, спрашивая, кому именно онъ долженъ былъ сдать полкъ «формальнымъ порядкомъ», такъ какъ онъ ни-

¹⁾ Ibidem, т. IX.

²⁾ Указъ Воен. Кол. 10 декабря 1796 г.

какого приказа о томъ не получалъ ¹⁾ и о повелѣніи Императора не зналъ. Шефомъ-же Харьковскаго полка въ началѣ 1797 годъ былъ назначенъ Г.-Л. Казимиръ Ивановичъ баронъ Мейндорфъ (изъ ливонскихъ дворянъ), исполнявшій тогда должность рижскаго губернатора. Получивъ повелѣніе сдать должность и немедленно отправиться принять Харьковскій полкъ, Мейндорфъ, находясь въ полномъ невѣдѣніи, гдѣ онъ былъ расположенъ, обращался къ начальству, прося вывести его изъ затруднительнаго положенія. Мейндорфъ долго не прѣзжалъ въ полкъ, имъ почти не командовалъ, такъ какъ вскорѣ былъ уволенъ по болѣзни на годъ за границу ²⁾.

Между тѣмъ, Полковникъ Фризь, временно принявшій командование, получилъ повелѣніе слѣдовать съ полкомъ въ Харьковъ. Выступивъ 6 февраля, онъ слѣдовалъ, согласно маршруту, изъ Тулчина на Полонное, Бердичевъ, Каневъ. Всего полку предстояло пройти 820 верстъ въ неблагопріятное время года, вслѣдствіе начинавшейся весны. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, сколько времени употребилъ полкъ, чтобы пройти это значительное разстояніе. Съ приходомъ въ г. Харьковъ началось собственно превращеніе Харьковцевъ въ кирасиры. Это продолжалось долго. Даже тѣ чины, которые давно уже были посланы въ Петербургъ, вернулись обратно и привезли образцы обмундированія и снаряженія лишь только въ сентябрь 1797 годъ ³⁾. Пока все новое шилось, прошло очень много времени, и полкъ, нося названіе кирасирскаго и состоя уже въ положенномъ штатномъ составѣ продолжалъ носить форму легкоконныхъ полковъ.

Въ Харьковѣ, въ началѣ царствованія Императора Павла, были расположены на квартирахъ, кромѣ Харьковскаго, еще два кавалерійскихъ полка. Для размѣщенія ихъ въ городѣ была учреждена особая контора; она была обязана на город-

¹⁾ Мос. арх. оп. 200, св. 46.

²⁾ Формул. его списокъ.

³⁾ Мос. арх. оп. 200 № 42.

скія средства ¹⁾ построить каменные казармы для нижнихъ чиновъ, а шефамъ и командирамъ полковъ отдѣлать частныя дома. Харьковъ въ то время былъ очень небольшимъ городкомъ, и этотъ не малый расходъ былъ очень для него чувствителенъ. Внѣшній видъ богоспасаемаго города, населеннаго добродушными хохлами, утратившими уже свои прежнія боевыя склонности и нынѣ только занятыми винокурами и гречкосѣями, въ то время совершенно преобразился и потерялъ свой мирный видъ. Всюду по окраинамъ города появились шлагбаумы, заставы, береганіе его отъ вторженія какого-то врага; понастроены ордонансгаузы (коменданскія управленія), кордегардіи, караульныя помѣщенія въ казематированныхъ постройкахъ у воротъ потерявшей давно уже свой грозный видъ Харьковской крѣпости; всюду были разставлены часовые и будки для нихъ. Такого воинственнаго вида Харьковъ не представлялъ даже въ тѣ времена, когда черкасы, запершись въ стѣнахъ крѣпости, ежеминутно ожидали нападенія рыскавшихъ по окрестностямъ татаръ.

До постройки казармъ, войска размѣстились по окраинамъ города и въ пригородныхъ слободахъ. Одну изъ нихъ «Гончарівку» увѣковѣчилъ своею комедіею Котляревскій.

Вскорѣ по приходѣ на свою старинную стоянку, Харьковцы посланы были (6 сентября) усмирять взбунтовавшихся крестьянъ помѣщика Шемякина. Съ самаго начала царствованія Императора Павла, начались въ разныхъ мѣстахъ государства движенія: волновались крестьяне казенные, волновались принадлежавшіе помѣщикамъ. Причиною того были бродившіе слухи, будто Императоръ освободилъ уже крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но что власти, потворствуя помѣщикамъ, скрыли отъ нихъ это повелѣніе. Государь-же былъ сожсѣмъ другого взгляда на этотъ вопросъ и въ помѣщикахъ видѣлъ залогъ тишины и спокойствія въ государствѣ, считая ихъ лучшею земскою полиціею ²⁾. Въ волненіяхъ этихъ онъ усматривалъ

¹⁾ Устиновъ. Хар. въ началѣ нынѣш. ст.

²⁾ Рус. арх. 1869 г., ст. 526.

бунты и заговоры и приказывалъ умирять ихъ, не останавливаясь даже предъ чрезвычайными средствами. Одинъ изъ подобныхъ бунтовъ случился въ Новохоперскомъ уѣздѣ (Астраханской губ., теперь Воронежской) въ с. Красненькомъ, принадлежавшемъ помѣщику Шемякину. Вотъ для умирения этого-то бунта и вызванъ былъ Харьковскій полкъ, послѣдшій изъ Харькова форсированнымъ маршемъ. На этой экзекуціи полкъ пробылъ двѣ недѣли; лѣса порѣдѣли, и крестьяне приведены въ повиновеніе Шемякину. Въ октябрѣ полкъ возвратился обратно въ Харьковъ ¹⁾.

Въ слѣдующемъ году, въ маѣ полкъ выступилъ въ Москву на «ревю»—смотри войскамъ, который дѣлалъ Императоръ Павелъ. По повелѣнію Государя (Высоч. прик. 19 іюня) изъ Харьковскаго полка было исключено 7 офицеровъ, между которыми былъ даже одинъ полковникъ (Авлічевъ) за то, что 6 іюня не были, сказавшись больными, на этомъ «ревю» (revue) ²⁾. Въ Москвѣ полкъ оставался не долго и тотчасъ же, по окончаніи всего, ушелъ обратно въ Харьковъ и 1 іюля былъ уже на мѣстѣ.

Въ теченіи короткаго времени шефъ смѣнялся за шефомъ, и полкъ, утратившій свое коренное названіе, кое онъ носилъ почти 150 лѣтъ, мѣнялъ также свои названія. Мейндорфа смѣнилъ (января 1798 года) Г.-Л. Паупертъ. Этотъ Паупертъ началъ свою карьеру во французской арміи, потомъ поступилъ на службу въ Польшу и, обратясь въ польскаго шляхтича, приобрѣлъ себѣ тамъ имѣнія. Изъ польской Паупертъ перекочевалъ въ австрійскую армію; а въ 1793 году этотъ горячій патріотъ перешелъ, наконецъ, въ русскую службу по присоединеніи къ нашей Имперіи польскихъ областей, гдѣ были его имѣнія. Полкомъ онъ командовалъ, жилъ въ Харьковѣ и, видимо, былъ человекъ строгій въ обращеніи со своими подчиненными. Командованіе, впрочемъ, его было непро-

¹⁾ Полковой формуляръ.

²⁾ Мѣс. рап. пол.

должительное—въ томъ-же году онъ навлекъ на себя гнѣвъ Государя и былъ уволенъ въ отставку, послѣ чего, вѣроятно, снова началъ странствованіе по европейскимъ арміямъ. Назначенный послѣ него шефъ Г.-М. Заплатинъ числился только 20 дней; полка, конечно, онъ и не видѣлъ, но имя свое увѣдчилъ, такъ какъ названіе «Вирасирскій Генералъ-Маіора Заплатина полкъ» попало въ официальную «Хронику Россійской Императорской арміи». Въ полкъ не былъ присланъ его формулярный списокъ, почему и неизвѣстно, кто былъ этотъ Заплатинъ.

Слѣдующій шефъ, давшій также свое имя полку, кн. Ромодановскій-Ладыженскій, прокомандовалъ полкомъ только 2 мѣсяца и былъ переведенъ шефомъ Малороссійскаго кирасирскаго полка. Послѣ этихъ мимолетныхъ шефовъ былъ назначенъ Г.-М. Александръ Рыцаревичъ Козенсъ, онъ задержался на долго. Происходилъ Козенсъ изъ англійскаго дворянства; его дѣдъ еще при Петрѣ Великомъ, принявъ русское подданство и приписанный къ обществу петербургскихъ дворянъ, служилъ во флотѣ. Александръ Рыцаревичъ вступилъ въ службу въ 1778 году въ кирасирскій полкъ Наслѣдника; полковникомъ (1797 года) служилъ въ Украинскомъ легкоконномъ, а по его расформированіи, въ Черниговскомъ кирасирскомъ. Онъ участвовалъ въ двухъ войнахъ—Шведской (1788) и Польской (1792—1794) ¹⁾. Новый шефъ былъ очень дѣятельный и ревностный къ службѣ. Ему пришлось много поработать, чтобы привести въ порядокъ вполнѣ разстроенную хозяйственную часть и одѣть полкъ болѣе или менѣе прилично, такъ какъ по своему наружному виду онъ продолжалъ быть на половину кирасирскимъ, на половину легкоконнымъ. Харьковцы очень отстали отъ другихъ въ строевомъ образованіи. Новые уставы были для нихъ почти неизвѣстны—часто смѣнявшіеся шефы полкомъ вовсе не занимались. Эскадронные командиры, пользуясь этимъ, преслѣдовали только одну цѣль—при возможно меньшей дачѣ фу-

¹⁾ Его форм. списокъ.

ража, имѣть въ своихъ эскадронахъ лошадей въ приличномъ тѣлѣ на случай смотровъ, что, конечно, шло въ ущербъ обученію кирасиръ верховой ѣздѣ. Объ этихъ безпорядкахъ, происходившихъ въ полку, Императору было извѣстно, и съ цѣлью ихъ исправленія онъ назначилъ шефомъ Козенса. Государь относился къ нему очень благосклонно и съ большимъ довѣріемъ, о чемъ свидѣлствуютъ рескрипты на его имя. Въ 1799 году Павелъ Петровичъ прислалъ лично ему повелѣніе: «когда получите слѣдующій Вамъ ремонтъ, то изъ числа онаго раздайте (лошадей) оберъ-офицерамъ полка имени Вашего, у которыхъ изъ нихъ нѣтъ строевыхъ лошадей». Государь въ награду ревностной службы пожаловалъ Козенса «Командоромъ державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго» за «довѣденіе полка въ должное состояніе».

Въ началѣ 1799 года полкъ покинулъ Харьковъ и болѣе уже въ него не возвращался—онъ былъ переведенъ на конторнр-квартиры въ м. Черный Островъ Подольской губ. Проскуровскаго уѣзда и былъ назначенъ въ армію Гр. Гудовича, въ корпусъ Г. Михельсона. Въ этой новой стоянкѣ Харьковцевъ застало XIX столѣтіе, начавшееся для нихъ новымъ походомъ—въ январѣ они ушли въ с. Алтуши (около гор. Брестъ-Литовска), войдя въ составъ Брестской инспекціи Г.-М. Цорна, въ арміи Г. Голенищева-Кутузова.

Выступивъ изъ Чернаго Острова 15 января, полкъ пришелъ въ Алтуши 12 Февраля, пройдя разстояніе въ 256 верстъ въ 29 дней. Изъ маршрута можно видѣть, что походы тогда совершались медленно—на 19 дней марша было 10 дневокъ! Въ первый день похода полкъ прошелъ только 7 верстъ («1 милю»), во второй 14 верстъ, за которымъ послѣдовала дневка; совершивъ (1 февраля) переходъ въ 2 мили, а на другой день въ 4,—полкъ за то отдыхалъ два дня подъ рядъ. Алтуши (Олтушъ) очень небольшое селеніе—въ немъ могъ только размѣститься штабъ и лейбъ-рота, весь-же полкъ расположился по окрестнымъ небольшимъ деревнямъ, занявъ

для того 9 деревень. Въ этомъ мѣстѣ полкъ оставался по 15 августа 1801 года.

На основаніи новаго расписанія квартиръ, Харьковскій кирасирскій полкъ, по повелѣніи Царевича Константина Павловича, выступилъ изъ Алтуши и отправился на новую стоянку—г. Луцкъ, совершая походъ крайне медленно. На маршѣ въ м. Соколя (26 августа) получено было извѣстіе отъ инспектора Г.-Л. Боура о Высочайшемъ повелѣніи (отъ 13 іюля 1801 г.) о переформированіи полка, въ числѣ 7-ми кирасирскихъ, въ драгунскій съ названіемъ «Харьковскій Драгунскій полкъ». Коренное названіе «Харьковскій»¹⁾, возвращено было, впрочемъ, полку нѣсколько раньше, вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Александра I.

Названіе «драгуны» въ европейскихъ арміяхъ впервые появляется въ XVI столѣтіи, когда маршалъ Брисакъ сжалъ отряды отборной своей пѣхоты на лошадей для быстрыхъ набѣговъ, называя ихъ этимъ именемъ. Но французскій маршалъ не былъ первымъ въ этомъ дѣлѣ: еще въ глубокой древности, въ войскахъ Александра Македонскаго были «димаки», пѣхота, совершившая переѣзды на лошадяхъ. Но Густава-Адольфа на драгунъ смотрѣли, какъ на ѣздящую пѣхоту, и только въ его арміи они получили назначеніе сражаться преимущественно верхомъ, спѣшиваясь только въ крайнихъ случаяхъ. Въ Россіи драгуны стали появляться со времени Михаила Ѳеодоровича и состояли по большей части изъ иноземцевъ, но въ нихъ записывали также дѣтей боярскихъ и охочихъ людей. Вооруженіе ихъ состояло изъ мушкета, шпаги, бердыша и короткой пика. Но это войско не было постоянно, оно по окончаніи войны распускалось по домамъ. Только при Петрѣ Великомъ появились у насъ регулярные драгунскіе полки. Петръ говорилъ о драгунахъ, какъ о родѣ оружія, способномъ дѣйствовать и «жестокимъ ударомъ

¹⁾ Пол. Соб. Зап. т. XXVI, № 19809.

черезъ сильную скачку» и въ пѣшемъ строю, когда мѣстность неблагопріятствуетъ сражаться на конѣ. Потемкинъ считалъ драгунъ, не смотря на свое пристрастіе къ легкоконнымъ полкамъ, «полезнѣйшими и самонужнѣйшими въ государствѣ, такъ что истина сего не требуетъ доказательствъ». «Сугубое, смотря по обстоятельствамъ, говоритъ онъ, можно изъ нихъ сдѣлать употребленіе, не заимствуя въ помощь и въ подкрѣпленіе ихъ ни пѣхоты, ниже тяжелой конницы»¹⁾. Подобный-же взглядъ на драгунъ появился и въ началѣ царствованія Александра I, выразившійся въ переформированіи полковъ тяжелой конницы въ драгунскіе и въ формированіи новыхъ, для чего брались эскадроны изъ дѣйствующихъ полковъ. Штатъ драгунскихъ полковъ до 1812 года перемѣнялся нѣсколько разъ, что видно изъ прилагаемой хроники полка. Полки драгунскіе, какъ и кирасирскіе, были въ числѣ 5 эскадроновъ, кои носили названія по фамиліямъ своихъ командировъ. Если-же таковыхъ временно не бывало, то—«вакантный». Переформированіе полка произошло въ Луцкѣ.

Обмундированіе и снаряженіе драгунъ состояло: изъ мундира, панталонъ и рейтузъ, сапогъ, фуражной шапки свѣтло-зеленаго сукна съ оранжевымъ околышкомъ, кителя, шинели, фуфайки (или полушубка изъ овчины), треугольной шляпы съ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ и перчатокъ; сабли съ темлякомъ, мушкета въ мѣдной оправѣ со штыкомъ, лядунки съ перевязью и, въ конномъ строю, пары пистолетовъ.

Драгунскій двубортный мундиръ вначалѣ дѣлался изъ свѣтло-зеленаго сукна, позднѣе изъ темно-зеленаго, длиною фалдъ въ 7 вершковъ. Полки отличались между собою цвѣтомъ доклада. Въ Харьковскомъ полку воротникъ, обшлага, погонъ съ красными выпушками, носимый на лѣвомъ плечѣ, были оранжеваго цвѣта; весь металлическій приборъ мѣдный.

¹⁾ Лобрь Энцикл. стр. 98; Масловскій. Стор. развѣд. сл. ст. 154; Гудимъ-Левовичъ «Ист. очер. разв. воор. силъ въ Рос.».

Офицерскій мундиръ былъ такой-же, какъ и у нижнихъ чиновъ, но на красной стамедовой подкладкѣ. Въмѣсто галстуха офицеры носили черный шелковый платокъ, завязанный на зади. Позднѣе былъ введенъ сюртукъ (1806 года) темно-зеленаго сукна съ обшлагами и воротникомъ, какъ на мундирѣ. Одни панталоны были изъ бѣлаго сукна (у офицеровъ лосиновые во фронтѣ, суконные внѣ его), другіе изъ сѣраго съ подшитою кожею, назывались они рейтузами и носились во время похода. Сапоги тупоносые, смазные съ прибивными желѣзными шпорами.

Сѣдло покрывалось суконнымъ вальтрапомъ по цвѣту мундира съ оранжевою выкладкою и выпушкою, вензелемъ и короною. Лошади драгунскія были произвольной масти, ростомъ не выше 2, не ниже 1 вершка, ремонтная цѣна ея—50 руб. безъ провода. Трость, какъ эмблема власти, была также принадлежностью драгунскихъ вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ (отмѣнена она была въ 1807 году). Въ началѣ царствованія Императора Александра I нижнихъ чиновъ продолжали терзать пудра, букли и косы, длиною въ 4 вершка, перевязанныя ленточкой. Это, къ счастью, продолжалось только до 1807 года, когда солдатъ, наконецъ, остригли подъ гребенку, предоставивъ генераламъ и офицерамъ право носить волосы по ихъ усмотрѣнію. Въ началѣ 1812 года въ драгунскихъ полкахъ отмѣнены были литавры, а также и ружья. Изъ огнестрѣльнаго оружія у драгунъ оставлены были только пистолеты, кромѣ фланкеровъ, получившихъ штуцера. Пере-мѣнены были въ драгунскихъ полкахъ и штандарты. Одинъ изъ нихъ полагался бѣлаго цвѣта, а остальные зеленаго. Бѣлый дѣлался съ зелеными, а зеленый съ бѣлыми углами, въ видѣ овальныхъ щитовъ; между ними помѣщался вензель подъ короною, а по бокамъ лавровыя вѣтви. По среди полотна—двуглавый орелъ съ однимъ поднятымъ и другимъ опущеннымъ крыломъ; въ верхнемъ углу, противъ поднятаго крыла, сіяніе. Шитье—золотое. Штандарты, какъ,

и всѣ части обмундированія и снаряженія, въ то время мѣнялись очень часто ¹⁾).

Полку, при выступленіи въ городъ, приходилось обыкновенно оставлять на квартирахъ нижнихъ чиновъ изъ фронта для присмотра за имуществомъ, трудно больными и для охраны семействъ воинскихъ чиновъ, что очень ослабляло силы полка.

Для устранения этого въ 1805 году положено было сформировать при драгунскихъ полкахъ запасные полуэскадроны (4 офицера, 89 нижнихъ чиновъ ²⁾), по проекту Цесаревича Константина Павловича. По уходѣ полка, этотъ полуэскадронъ оставался на мѣстѣ, принималъ въ свое вѣдѣніе все остающееся. Кромѣ того, всѣ командировки, какія приходилось нести полку, за приводомъ ремонта, рекрутъ и пр. полагалось дѣлать изъ запаснаго полуэскадрона, чтобы не отрывать нижнихъ чиновъ полка отъ строевыхъ занятій. На обязанности полуэскадрона, во время отсутствія полка, лежало обученіе рекрутъ и выѣздка ремонтныхъ лошадей. Запасный этотъ полуэскадронъ, впрочемъ, просуществовалъ не долго — въ 1810 году онъ былъ упраздненъ и штатъ полка свелся къ числу 1018 человекъ всѣхъ чиновъ и 927 строевыхъ лошадей ³⁾).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

¹⁾ Висковатовъ. Ист. опис... т. XVII и XXI.

²⁾ Мос. арх. оп. 160, № 1.

³⁾ Хрон. Рос. Им. арм.

Глава XIII.

Пожары въ г. Луцкѣ.—Слухи о близости войны.—Приготовленія къ ней.—Тревожное состояніе въ ожиданіи похода.—Новый шефъ Г.-М. Гижицкій.—Начало войны.—Движеніе Кутузова.—Выступленіе полка въ походъ.—Соединеніе Кутузова съ Вуксшеведномъ.—Отступленіе къ Ольмюцу.—Численное состояніе полка.—Диспозиція къ Аустерлицкому сраженію.—Расположеніе отряда Уварова.—Столкновеніе съ французской кавалеріею.—Отступленіе Багратиона.—Потери полка.—Поручикъ Шимковъ.—Отличившіеся въ сраженіи 20 Ноября.—Обратный походъ въ Россію.

Луцкъ (на рр. Стеръ и Глушъ), гдѣ полкъ простоялъ до открытія первой кампаніи съ французами, былъ некогда на Волыни самый богатый городъ, по очереди принадлежавшій Литвѣ, Польшѣ и русскимъ князьямъ. Цѣлый рядъ пожаровъ (главные 1781 и 1793 годовъ) истребилъ въ этомъ обширнѣйшемъ городѣ все лучшія, старинныя постройки. Не успѣлъ Луцкъ еще вполне обстроиться, какъ, не задолго до прихода сюда Харьковцевъ, новый пожаръ (1800 году) уничтожилъ все. Полкъ засталъ городъ въ пепелищѣ, и только грандіозныя руины замковъ и костеловъ свидѣтельствовали о его быломъ величіи. На томъ испытаніи города не кончились—уже во время пребыванія полка (1803 годъ) послѣдній пожаръ обратилъ городъ окончательно въ груды пепла, и Луцкъ съ того времени заглохъ совершенно. Въ пожарѣ сгорѣло почти все полковое имущество и, что особенно грустно для лѣтописца полка, сгорѣли все письменныя дѣла. По 1794 годъ онѣ погибли во время революціи въ Варшавѣ, по 1803 здѣсь, въ огнѣ¹⁾, а этотъ періодъ во всѣхъ отхоженіяхъ очень интересный, такъ какъ обнимаетъ собою поль-

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

скую инсurreкціонную войну съ битвою подъ Маціевицами и плѣномъ Косцюшки, заключаетъ въ себѣ реформы Императора Павла и т. п.

Тревожные слухи о возможности и близости новой войны начали ходить еще съ 1803 года, особенно же когда Цесаревичъ Константинъ Павловичъ получилъ секретнѣйшій и собственноручный указъ Государя, повелѣвавшій полкамъ Лейбъ-Кирасирскому и Харьковскому быть въ полной готовности, чтобы ихъ эскадроны, по первому требованію, могли-бы въ 24 часа выступить изъ своихъ квартиръ въ военный походъ ¹⁾. Приготовивъ все необходимое, полкъ, чуть что не посѣдланый, ждалъ приказа выступить съ минуты на минуту. Въ этомъ напряженномъ состояніи Харьковцы пробыли долго. Но шли дни, недѣли, проходили даже мѣсяцы, а полкъ оставался на мѣстѣ, никакихъ распоряженій не приходило; все понемногу успокоилось, и полковая жизнь пошла своей обычной колеєю. Въ мартѣ слѣдующаго года уже всѣ шефы полковъ получили подобное-же тревожное повелѣніе отъ Цесаревича. Снова началась лихорадочная дѣятельность въ полкахъ, и снова все затихло. Спустя нѣкоторое время, послѣдовало новое предписаніе изъ инспекціи шефу полка Г.-М. Козенсу приготовить все къ походу, но вести эти приготовленія въ «наиглубочайшемъ секретѣ» ²⁾. Въ такомъ вотъ тревожномъ состояніи шло время, всѣ находились въ постоянномъ ожиданіи похода.

Въ это-же время (1804 годъ) былъ назначенъ новый шефъ полка Г.-М. Гжицкій (2-й), смѣнившій собою Козенса, уволеннаго отъ службы по прошенію. Варфоломей Каэтановичъ Гжицкій, сынъ сенатора, происходилъ изъ хорошей польской фамиліи, получилъ прекрасное образованіе, владелъ въ совершенствѣ иностранными языками, зналъ математику и инженерныя науки. Въ русскую службу онъ вступилъ подполковникомъ до раздѣла еще Польши (въ 1791 годъ) и, на-

¹⁾ Мос. арх. оп. 160, св. № 1.

²⁾ Ibidem.

значенный полковымъ командиромъ въ гусарскій Боура (Павлоградскій) полкъ, былъ командированъ въ Грузію ¹⁾ для вывода оттуда этого полка сначала на кавказскую линію, а послѣ въ Россію. У Императора Павла Гжицкій былъ въ большомъ фаворѣ: послѣ производства въ генералы, на 24 году жизни (1798 годъ), не бывъ даже шефомъ полка, онъ былъ посланъ по Высочайшему повелѣнію (1799 годъ) инспектировать кавалерійскіе полки; послѣ этого командовалъ бригадою, но вскорѣ навлекъ на себя чѣмъ-то гнѣвъ Государя и былъ отставленъ отъ службы. Императоръ Александръ I принялъ въ 1804 году Гжицкаго снова и назначилъ шефомъ Харьковскаго полка.

Между тѣмъ, носившіеся упорные слухи о войнѣ съ французами начали оправдываться. Близость войны выяснялась все болѣе, и она скоро, дѣйствительно, возгорѣлась съ Наполеономъ, слава и могущество котораго непомѣрно росли со дня на день. Встревоженные успѣхами новаго императора, Россія, Австрія и Англія заключили между собою грозный, повидимому, договоръ. Двѣ первыя державы должны были выслать противъ Наполеона свои арміи, послѣдняя—помогать имъ своимъ золотомъ. Корпусъ русскихъ войскъ (50 тысячъ) подъ начальствомъ Кутузова былъ двинутъ на соединеніе съ австрійскою арміею Эрцгерцога Фердинанда, которою, въ сущности, командовалъ Г. Маккъ. Соединиться Кутузову не пришлось: Наполеонъ, быстро перенесшійся съ береговъ Ламанша, неожиданно налетѣлъ на австрійцевъ подъ Ульмомъ, и только немногимъ съ Эрцгерцогомъ удалось спастись. Маккъ-же со всею арміею сдался на капитуляцію. Это поставило Кутузова, бывшего уже недалеко, въ критическое положеніе. Подъ напоромъ превосходныхъ въ числѣ силъ Наполеона совершилъ онъ свое знаменитое отступленіе, покрывшее славою его и героя—Багратіона.

¹⁾ Его формул. списокъ.

На встрѣчу отступавшему Кутузову изъ Россіи шелъ корпусъ (50 тысячъ) Г. гр. Буксгевдена, въ число войскъ котораго былъ назначенъ и Харьковскій полкъ. Получивъ 5-го августа ¹⁾, по счету четвертое, предписаніе быть готовыми къ походу, Харьковцы тронулись, наконецъ, съ мѣста только чрезъ мѣсяць, 3 сентября, съ 1-ю колонною войскъ къ Дубенкѣ, гдѣ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, участвовали въ пораженіи Косцюшки. Походъ совершался крайне медленно—33 мили, напр., пройдено было въ 19 дней (5 дневокъ), а одинъ день походъ былъ совсѣмъ отмѣненъ «по случаю ненастной погоды»; съ 17-го же по 23-е колонна стояла на мѣстѣ.

7-го ноября послѣдовало соединеніе Кутузова съ первою колонною Буксгевдена у Вишау, гдѣ войска и расположились лагеремъ. Въ тотъ день два эскадрона Харьковскаго полка подъ начальствомъ Подполковника Юзефовича, опытнаго и храбраго офицера, и Капитана Воеводскаго были отправлены къ г. Брюнну на подкрѣпленіе арріергарда отступавшихъ войскъ, задерживавшаго насѣдавшихъ французовъ. Три эскадрона полка 8 ноября ночью снова были двинуты въ число войскъ Багратіона къ Проствицу, гдѣ и пробыли 9-е число. Наши войска, соединившись, продолжали отступление къ Ольмюцу, гдѣ и остановились. Французы находились у Брюнна. Въ Ольмюцѣ Императоръ Александръ въ присутствіи Императора Франца сдѣлалъ всѣмъ войскамъ смотръ. Харьковскій полкъ въ то время считалъ въ рядахъ своихъ 791 человекъ всѣхъ чиновъ (запасный полуэскадронъ остался въ Луцкѣ), по штату того времени въ полку недоставало человекъ около 100. По новому росписанію, составленному Главнокомандующимъ Кутузовымъ, полкъ былъ назначенъ въ дивизію Г.-Л. Уварова ²⁾.

Союзники рѣшили наступать и дать Наполеону генеральное сраженіе. Отъ Ольмюца армія, покинувъ хорошую дорогу,

¹⁾ Мос. арх. оп. 160, св. 1.

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1556, 1548, 1551.

ведущую на Брюннъ, свернула влѣво и по дурнымъ проселочнымъ, крайне медленно (7—12 верстъ переходъ) пошла къ Аустерлицу (по славянски Славковъ,—небольшой городъ въ Моравіи на р. Литавѣ), намѣреваясь обойти правый флангъ французовъ. 19 ноября армія, снявшись съ мѣста своего расположенія, въ полдень, пройдя Аустерлицъ, заняла позицію. Въ этотъ день все было спокойно, лишь слабая перестрѣлка шла въ передовой цѣпи. Французы какъ бы не рѣшались оказать сопротивленія и отступали по всей линіи. Этимъ Наполеонъ вселилъ въ союзниковъ увѣренность въ побѣдѣ. Видя отступление непріятели, монархи стали даже опасаться, какъ бы Наполеонъ не ускользнулъ изъ рукъ ихъ. Даже огромные бивачные костры, пылавшіе у непріятели въ ночь предъ сраженіемъ, сочили за военную хитрость. Но эта была не хитрость, это солдаты радостно встрѣчали съ зажженными пучками соломы въ рукахъ своего Императора, объѣзжавшаго войска; къ тому-же это былъ канунъ годовщины его коронаціи. Наполеонъ написалъ пламенный приказъ по арміи, проникнутый тоже увѣренностью въ побѣдѣ, называвшій союзниковъ «наемниками Англіи» и обещававшій окончить войну предстоящею побѣдою. Свѣтло и радостно было на бивакѣ французовъ, въ станѣ-же нашемъ все было мрачно и тихо. Австрійскій генералъ Вейротеръ, почитавшій себя великимъ стратегомъ и пользовавшійся большимъ довѣріемъ у союзныхъ монарховъ, составилъ «Диспозицію къ атакѣ непріятельской позиціи позади Кобельница и Сокольница». Произведеніе это, предназначавшееся для русской арміи, было запутано, полно мельчайшихъ подробностей, трудно понимаемо и написано при томъ на нѣмецкомъ языкѣ. Русскимъ генераламъ оно очень не понравилась—они видѣли ясно его недостатки; Багратіонъ-же прямо предсказалъ пораженіе. Увѣренный въ себѣ и упрямый Вейротеръ не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій. Предсказывая побѣду, говорилъ, что во время прошлгоднихъ маневровъ онъ хорошо изучилъ мѣстность, гдѣ должно было

произойти сраженіе, на что ядовито замѣтилъ его помощникъ гр. Бубна: «не надѣляйте только такихъ же ошибокъ, какъ на прошлогоднихъ маневрахъ».

По диспозиціи армія должна была вести наступленіе пятью колоннами. На правомъ флангѣ нашего расположенія поставленъ былъ кн. Багратіонъ съ приказаніемъ удержатъ, во чтобы то ни стало, позицію у Позоржиць. Наканунѣ сраженія Г. Уварову было приказано съ полками Харьковскимъ, Черниговскимъ — драгунскими, Елисаветградскимъ гусарскимъ и 12-ою конною батареею изъ колонны кн. Лихтенштейна перейти на подкрѣпленіе войскъ Багратіона и стать на лѣвомъ флангѣ его расположенія. Помощникомъ къ Уварову былъ назначенъ Гижицкій.

Утро 20 ноября было необыкновенно туманно. Колонны наудачу шли въ назначенныя имъ мѣста. Окутанныя мглою, даже когда уже вполне разсвѣло, онѣ въ 10 шагахъ не могли различать предметы. Можно было наткнуться на всякія неожиданности. И войско дѣйствительно наткнулось на совсѣмъ неожиданное препятствіе—на французовъ тамъ, гдѣ имъ, по диспозиціи Вейротера, быть не полагалось. Наполеонъ не только не думалъ уклоняться отъ боя, но, наоборотъ, самъ перешелъ въ наступленіе, зная о движеніи союзниковъ на его правый флангъ. Онъ подѣ Аустерлицемъ повторилъ маневръ, который за много предѣ тѣмъ вѣковъ продѣлалъ Александръ Македонскій въ Арбельскомъ сраженіи (10-го іюня 331 года до Р. Х.): французы, обрушившись на нашъ центръ, разрѣзали армію по поламъ, овладѣли ключемъ позиціи (Праценскія высоты) и одержали полную побѣду.

Еще до боя полки Г. Уварова были расположены лѣвѣе с. Голубиць, впереди оврага, по вершинѣ и по склонамъ возвышенности. Французскій маршалъ Ланъ, стоявшій противъ Багратіона, дѣйствовалъ вначалѣ оборонительно. Когда-же войска наши были сбиты съ Праценскихъ высотъ и центръ былъ порванъ, онъ перешелъ въ наступленіе. Къ тому вре-

мени туманъ разсѣялся, и «Солнце Аустерлица», которое такъ любилъ послѣ вспоминать Наполеонъ, освѣтило поле битвы «трехъ императоровъ» и наши неудачи. Багратіонъ долго удерживалъ стремленіе французовъ. На его лѣвомъ флангѣ Уваровъ два раза успѣшно атаковывалъ кавалерію Лана и тѣмъ на нѣкоторое время задержалъ наступленіе непріятели. Но бывшая противъ него конница была скоро усилена пѣхотою, драгунскою дивизіею и кирасирами. Наши драгуны и гусары, неустрашенные этимъ, бросились было въ атаку съ отчаянною храбростію, но, подавляемые численностію, были опрокинуты съ большимъ урономъ за оврагъ съ потерею своей артиллеріи¹⁾. Наравнѣ съ другими полками Уварова ходили въ атаку и Харьковцы съ Гижицкимъ во главѣ, а послѣ «отретировались въ порядкѣ». Ослабленный отступленіемъ кавалеріи принужденъ былъ отступить и Багратіонъ, но, стремительно преслѣдуемый французами, одержавшими верхъ ужъ повсюду, отходилъ медленно, неся страшныя потери. Остановился Багратіонъ у с. Раусницъ, кавалерія Уварова стала лѣвѣе его. Она, не смотря на то, что ей пришлось отступать предѣ многочисленною французскою конницею, тѣмъ не менѣе за свои смѣлыя атаки кирасиръ заслуживаетъ только похвалу. Французы сидѣли на сытыхъ лошадяхъ, тогда какъ лошади нашей кавалеріи нѣсколько дней кормились, по винѣ австрійцевъ, одною только соломой²⁾; почему особенной стремительности въ атакахъ здѣсь и не могло быть. Всѣ войска Багратіона, когда другія бѣжали, медленно и въ порядкѣ отступали; и послѣ, составя арріергардъ, прикрывали послѣднее отступленіе нашей арміи чрезъ Виннау. Потери союзниковъ въ сраженіи подѣ Аустерлицемъ были громадны.

Въ вѣдомости объ убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ, наскоро составленной послѣ сраженія, потери Харьковскаго полка показаны слѣдующія:

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе 1-ой войны Ал. I съ Нап. въ 1805 г.

²⁾ Богдановичъ. Ист. цар. Алекс. I, т. II, ст. 79.

Убиты и безъ вѣсти пропали:

Подпоручикъ Курносоевъ	1
» Шимковъ	1
унтеръ-офицеровъ	3
рядовыхъ	103
лошадей строевыхъ	99.

Р а н е н ы :

Шефъ Г.-М. Гижицкій	1
Капитанъ Адамовъ	1
Подпоручикъ Курносоевъ	1
Прапорщикъ Десаувеплавъ	1
» Краевичъ	1
унтеръ-офицеровъ	5
трубачъ	1
рядовыхъ	29
лошадей	109 ¹⁾ .

Черезъ нѣсколько дней въ полкъ возвратились изъ числа показанныхъ убитыми раненыи Подпоручикъ Курносоевъ и 21 рядовыхъ, изъ нихъ также были нѣкоторые ранены; у всѣхъ ихъ во время сраженія были убиты лошади, и имъ, сразу отрѣзаннымъ отъ своихъ, съ трудомъ удалось кружнымъ путемъ, долго отсиживаясь и прячась, ускользнуть отъ французовъ и разыскать свой полкъ. Вѣжали также и нѣкоторые захваченные въ плѣнъ. Такихъ изъ всей арміи набиралось тысячи. Они черезъ Богемію и Силезію съ большимъ трудомъ, питаясь подаяніями, пробирались обратно въ Россію. Такъ, въ разное время убѣжали изъ плѣна Харьковскаго полка 10 человекъ нижнихъ чиновъ²⁾.

Поручикъ Шимковъ во время атаки непріятельскихъ кирасиръ налетѣлъ со своимъ взводомъ прежде всего на отдѣльную группу французскихъ всадниковъ и почти всѣхъ ихъ перерубилъ, а послѣ рубился съ кирасирами, подавая примѣръ и увлекая своихъ подчиненныхъ. Кровь изъ многихъ ранъ лилась изъ него ручьями, но онъ, не замѣчая того, продолжалъ работать саблею, пока, обезсиливъ отъ потери крови, не лишился чувствъ и не свалился съ лошади. Храбрый по-

¹⁾ Мос. арх. оп. 152, № 564.

²⁾ Мѣс. рап. под.

ручикъ получилъ 7 тяжелыхъ ранъ—2 въ голову, 1 въ животъ и 4 въ лѣвую руку. Долго пролежалъ безъ сознанія Шимковъ среди многочисленныхъ убитыхъ и умирающихъ раненыхъ, оглашенныхъ своими стонами покинутое поле сраженія. Сырость холодной осенней ночи привела его, наконецъ, въ чувство; лихорадка била его. Не имѣя силъ подняться, продолжалъ лежать онъ въ темнотѣ, видя зарево отъ костровъ и слыша радостные крики французовъ, праздновавшихъ побѣду и день коронаціи своего любимаго императора. Въ такомъ ужасномъ положеніи, томимый жаждою и испытывая нестерпимыя боли, пролежалъ Шимковъ около сутокъ. Разбирая на другой день раненыхъ и убитыхъ, французы подняли и его, подали первую помощь и перевезли въ Брюннъ, гдѣ Шимковъ оставленъ былъ на излеченіе. Кое-какъ поправившись и сдѣлавшись свободнымъ по размѣнъ плѣнныхъ, побрелъ Шимковъ пѣшкомъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, къ границамъ Россіи, въ свой полкъ. Пѣшкомъ онъ добрался до Львова (Лембергъ) и тамъ, видимо, досталъ денегъ, такъ какъ населеніе Галиціи самымъ сочувственнымъ образомъ относилось къ нашимъ войскамъ. Прибывъ въ мартѣ 1806 года въ полкъ, Шимковъ представилъ свидѣтельство доктора мушкетернаго полка Крузе о полученныхъ имъ тяжкихъ ранъ. Но свидѣтельства ему было не нужно, ибо къ тому времени раны его не успѣли закрыться вполне. Гижицкій, на глазахъ у котораго Шимковъ выказалъ незаурядное мужество, свидѣтельствуя въ своемъ рапортѣ о подвигахъ этого достойнаго офицера, просилъ начальство наградить его¹⁾.

Въ числѣ отличившихся въ сраженіи 20 ноября, во время атаки непріятельской кавалеріи показаны Харьковскаго полка: Г.-М. Гижицкій, Подполковники Миницкій и Юзефовичъ. Шефъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, второй получилъ ту же награду 4-й степени, а послѣдній золотое оружіе, съ надписью «за храбрость»²⁾; Капитанъ Ада-

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1556.

²⁾ Моск. арх. оп. 152, св. 563.

мовъ, извѣстный своимъ подвигомъ въ битвѣ при Маціеовицахъ, раненый подъ Аустерлицомъ, былъ награжденъ чиномъ.

Сраженіемъ 20 ноября закончилась наша первая война съ Наполеономъ, перемиріе было подписано уже 26 ноября. Полки потянули обратно въ предѣлы Россіи, идя черезъ Венгрію и Галицію. Хотя недостатокъ въ продовольствіи и позднее холодное время дѣлали походъ тяжелымъ, но его облегчали радушіе и гостепримство жителей. Венгерцы и галичане старались оказать нашимъ войскамъ замѣчательное вниманіе и расположеніе: всюду торжественно встрѣчали, угощали, ни за что не брали платы и заботились о нашихъ больныхъ и раненыхъ.

Простоявъ нѣкоторое время въ м. Теофилѣ, полкъ въ мартѣ 1806 года прибылъ въ г. Радомысль, гдѣ и расположился на квартирахъ. Здѣсь началъ приводить онъ въ порядокъ свою разстроенную матеріальную часть и поправлять лошадей, выпустивъ ихъ съ 1-го мая на подножный кормъ на отведенныхъ пастбищахъ въ Свирскомъ и Васильковскомъ повѣтахъ ¹⁾.

¹⁾ Ibidem, № 312.

Глава XIV.

Разгромъ Пруссіи.—Мольба ея о помощи.—Объявленіе войны.—Главнокомандующій гр. Каменскій.—Выступленіе полка въ походъ.—Смертность 1806 года.—Инспекторскій смотръ.—Манифестъ объ ополченіи.—Просьба Гжицкаго.—Его письмо.—Дѣло подъ Шумовымъ.—Занятіе м. Острова.—Юзефовичъ—кавалеръ ордена Св. Георгія.—Неудача Эссена I подъ Остроленкою.—Причины бездѣйствія корпуса.—Голодъ, виновники его—жиды.—Назначеніе Гжицкаго въ Молдавскую армию.—Экспедиція Юзефовичу къ Гонедзу.—Конецъ войны.—Расположеніе на зимнихъ квартирахъ.

Приказомъ по арміи Наполеонъ объявилъ «безумнымъ» пруссакамъ войну и подъ Іеною и Ауерштедтомъ разгромилъ и совершенно уничтожилъ ихъ армию, чѣмъ угрожалъ и всему королевству. На нѣмцевъ напалъ паническій страхъ—ихъ крѣпости сдавались Наполеону безъ боя одна за другой. На краю гибели король умолялъ Императора Александра помочь ему. И великодушный Монархъ нашъ, забывъ, что тотъ же король не пожелалъ принять участіе въ первой войнѣ съ французами, не смотря на предложеніе Россіи, рѣшилъ оказать ему помощь. Армія наша начала готовиться къ новому походу. Она была раздѣлена на дивизіи, вмѣсто прежнихъ инспекцій; каждая дивизія заключала въ себѣ всѣ роды оружія. Харьковскій полкъ, при этомъ новомъ раздѣленіи, былъ назначенъ въ 10 дивизію Миллера-Закамельскаго и въ бригаду Г.-М. Гжицкаго (Харьковскій, Черниговскій—драгунскіе и Ахтырскій гусарскій). Дивизія эта къ предстоящей кампаніи назначалась въ составъ корпуса Эссена I. Объявленіе войны послѣдовало 18 ноября 1806 года, главнокомандующимъ былъ выбранъ престарѣлый Фельдмаршалъ гр. Каменскій, подъ начальствомъ котораго полкъ Харьковскій,

32 года тому назадъ, уже состоялъ въ первую турецкую войну. Каменскій самъ признавалъ себя неспособнымъ «къ командованію столь обширными войсками». Скоро послѣ открытія кампаніи, получивъ ссадину отъ сѣдла, не желая «терять своей прежней славы», онъ уѣхалъ изъ арміи, передавъ командованіе Буксгевдену.

Еще за мѣсяць до объявленія войны Харьковскій полкъ получилъ неожиданное экстренное повелѣніе выступить въ 24 часа. Наскоро и кое-какъ собравшись, выйдя въ походъ 6 октября, полкъ началъ переходить изъ города въ городъ, задерживаясь въ нѣкоторыхъ на непродолжительное время. За полкомъ тянулось до г. Ровно около 200 человекъ¹⁾ пѣшихъ, вслѣдствіе недостатка лошадей, а конская амуниція оставлена была при запасномъ полуэскадронѣ въ г. Радомыслѣ. Въ концѣ декабря Харьковцы перешли границу прусскихъ владѣній, и 1 января 1807 года застало ихъ на маршѣ въ с. Старая Пруссанка Тыкоцинскаго дистрикта (теперь Ломжинской губ.). Истекшій 1806 годъ отличался очень большою смертностью: въ полку въ теченіи 11 мѣсяцевъ (за ноябрь нѣтъ рапорта) умерло 101 человекъ нижнихъ чиновъ. Особенно большая смертность пришлась на мартъ (26) и, начавшись съ января, продолжалось до мая, тогда какъ въ другіе мѣсяцы была очень незначительна. Это-же самое замѣчается въ первые мѣсяцы и относительно лошадей (въ январѣ пало 48) и было, конечно, слѣдствіемъ Аустерлицкаго погрома и похода минувшей войны—дохли лошади раненыя и изнуренныя. Въ теченіи 1806 года ихъ пало 146. Къ тому-же, убыль лошадей 1805 года далеко еще не была пополнена. Гжицкій въ рапортѣ своемъ (21 ноября 1806 года) на Высочайшее имя доносилъ, что главный ремонтеръ, Г.-М. Ильинскій, не доставилъ въ полкъ 182 лошади на мѣсто убитыхъ, тяжело раненыхъ въ сраженіи и пришедшихъ въ негодность. Вслѣдствіе такого громаднаго недостатка лошадей,

¹⁾ Мѣс. рап. пол.

Гжицкій, по приказанію начальства, сформировалъ изъ полка только 4 эскадрона и съ ними продолжалъ походъ, а оставшіеся 196 человекъ пѣшихъ чиновъ были отправлены съ похода обратно подъ командою Майора Адамова въ г. Радомысль¹⁾. О большомъ некомплектѣ въ Харьковскомъ полку (52 человекъ и 182 лошади) доносилъ на Высочайшее имя и Г.-Ад. кн. Долгорукій, производившій инспекторскій смотръ. Результатомъ его инспекторъ остался вполне доволенъ, такъ какъ полкъ представился ему въ совершенномъ порядкѣ: обмундированіе было хорошо, сортъ лошадей прекрасный; особенно былъ хорошъ ремонтъ прошлаго года, купленный самимъ полкомъ—многія лошади, по словамъ Долгорукаго, были отличны и годились бы въ кирасирскіе полки. При этомъ лошади всего полка были содержаны хорошо и въ отличномъ тѣлѣ. Строевымъ образованіемъ инспекторъ остался также доволенъ, кромѣ стрѣльбы, которая заставляла желать лучшаго. О шефѣ полка Долгорукій отзывался въ своемъ рапортѣ съ самой лучшей стороны, хваля его стараніе и заботливость. Это-же самое говорилъ онъ и о всѣхъ эскадронныхъ командирахъ²⁾. У Гжицкаго былъ прекрасный помощникъ, полковой командиръ, Подполковникъ Юзефовичъ, впоследствии шефъ Харьковскаго-же полка, офицеръ выдѣлявшійся и извѣстный въ арміи своими способностями.

Манифестъ (30 ноября 1806 года) повелѣвалъ составить по губерціямъ временныя земскія ополченія (милиціи), «готовыя повсюду и мгновенно на подкрѣпленіе арміи регулярныхъ и могущія предоставить непріятелю на каждомъ шагѣ непреоборимыя силы». Дѣйствіе манифеста было распространено на 31 губернію, въ число коихъ не вошла Волынская, какъ и всѣ земли, недавно присоединенныя отъ Польши. Гжицкій, владѣвшій имѣніемъ на Волыни, не хотѣлъ отставать отъ русскихъ, несшихъ свои жертвованія

¹⁾ Мос. арх. оп. 152, св. 323.

²⁾ Ibidem.

отечеству: онъ снарядилъ на свой счетъ 12 конныхъ милиціонеровъ, хорошо одѣтыхъ, на прекрасныхъ лошадяхъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ и просилъ позволенія зачислить ихъ въ свой полкъ. О просьбѣ Гижичаго Эссень I донесъ Государю и отъ себя просилъ Императора исполнить желаніе шефа, прибавляя, что онъ это дѣлалъ, какъ ему хорошо извѣстно, исключительно изъ усердія къ службѣ¹⁾. Самъ Гижичій написалъ Государю слѣдующее письмо:

«Je suis née d'une famille, qui avait toujours un inviolable attachement pour sa patrie. La Pologne est tant en danger, je crois de mon devoir d'y apporter ma vie et ma fortune pour la secourir; mais comme le sort en a disposé sa perte, je me trouve trop heureux, comme tous mes compatriotes d'être sous le Règne de Votre Majesté Impériale et servant avec zèle et attachement sous vos drapeaux, je me croirais, Sire, un de vos plus heureux sujets, si je pouvais encore contribuer par ma petite fortune à la défense de la nouvelle patrie. Le Gouvernement de Vollini, où se trouve ma petite terre, est tout exempt par Vos suprêmes ordres, de mettre la milice sur pieds; j'ose supplier Votre Majesté Impériale, de vouloir bien permettre que douze cavaliers complètement montés et équipés, à mes propres frais, soient placés comme surnumérotés dans le Régiment, que j'ai l'honneur de commander. Pour moi je croirais remplir ma carrière, si en marchant en personne contre l'ennemi, je pouvais verser jusqu'à la dernière goutte de mon sang, pour le service de Mon Auguste et bien aimé souverain.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond Respect
Sir, de Votre Majesté Impériale.

Le très humble et très obeissant sujet

Barthélemi Gizycki

Chef du Régiment de Harkov Dragon.

(Я принадлежу къ семьѣ, которая всегда отличалась неизмѣнною преданностью къ своему отечеству. Если-бы Польша

¹⁾ Ibidem № 380.

находилась въ опасности, то я считалъ-бы своею обязанностью принести свою жизнь и имущество на ея защиту. Но судьба рѣшила ее гибель. Я, какъ и всѣ мои соотечественники, считаю себя слишкомъ счастливымъ быть подъ властью Вашего Императорскаго Величества. Вѣрно служа подъ Вашими знаменами, я почиталъ-бы себя, Государь, однимъ изъ счастливейшихъ Вашихъ подданныхъ, если-бы могъ, къ тому-же, своимъ маленькимъ состояніемъ способствовать защитѣ моего новаго отечества. Волынская губ., гдѣ находится мое маленькое имѣніе, исключена манифестомъ Вашего Величества отъ поставки ополченія. Позволяю себѣ умолять Ваше Императорское Величество разрѣшить мнѣ зачислить 12 всадниковъ, на мои собственные средства вполне снаряженныхъ и обмундированныхъ, сверхъ комплекта въ полкъ, коимъ я имѣю честь командовать. Свой-же долгъ я сочту исполненнымъ, лично участвуя въ походахъ противъ врага и проливая кровь до послѣдней капли, служа моему Августѣйшему и Возлюбленному повелителю.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій и послушнѣйшій подданный Бартоломей Гижичій, шефъ Харьковскаго драгунскаго полка).

Государь чрезъ военнаго Министра разрѣшилъ Гижичкому зачислить его милиціонеровъ въ полкъ. Послѣ отъѣзда шефа въ Молдавскую армію, куда онъ былъ временно командированъ, 4 изъ его милиціонеровъ убѣжали, а остальные 8 были выключены изъ полка по распущеніи ополченія (манифестъ отъ 27 сентября 1807 года)¹⁾.

Тѣ сраженія, въ которыхъ полку Харьковскому въ 1807 году пришлось принимать участіе, не были упорны и кровопролитны, какъ подъ Прейсишъ-Эйлау и Фридландемъ. Эссень, командовавшій корпусомъ силою около 38 тысячъ человекъ, не отличался особенною дѣятельностью и предпримчивостью.

¹⁾ Ibidem.

Въ тому-же и роль его была болѣе пассивная, такъ какъ ему пришлось расположиться между Бугомъ и Наревомъ, «имѣя предметомъ дѣйствій защиту русской границы отъ Гродно до Бреста-Литовскаго». Наполеонъ также приказалъ своему маршалу, стоявшему противъ Эссена, быть въ оборонительномъ положеніи и только не допускать его до соединенія съ Бенигсеномъ.

Первое дѣло для Харьковцевъ произошло 9 января подъ м. Шумовымъ (Ломжинскаго уѣзда), гдѣ присутствіе непріятеля было стрыто разѣздомъ Харьковскаго полка подъ начальствомъ Поручика Лисовскаго. Получивъ о томъ свѣдѣніе, Гжицкій поѣхалъ было въ Замбровъ, чтобы лично въ томъ убѣдиться; получивъ-же новое донесеніе отъ казацкаго офицера, что французы идутъ къ этому городу изъ Шумова, онъ поспѣшилъ сдѣлать распоряженія для встрѣчи. Но оказалось, что видимые казаконъ войска были его-же земляки донцы полка Карпова. Тогда Гжицкій отмѣнилъ отданныя приказанія и назначилъ отрядъ для нападенія на Шумово: 100 человекъ Харьковскихъ драгунъ онъ послалъ въ д. Остружево на д.д. Росохаты и Длугобоже, эскадронъ Маріупольскихъ гусаръ на д. Воля, а сотню казаковъ на д. Свидовцы въ д. Бурзинево. Общее начальство надъ ними Гжицкій поручилъ полковому командиру Маріупольскаго полка Полковнику Ланскому, приказавъ ему атаковать непріятеля въ самую полночь со всѣхъ сторонъ съ цѣлью выяснитъ его силы и попытаться, въ случаѣ успѣха, нѣкоторыхъ изъ нихъ захватить¹⁾. Въ Шумовѣ, какъ оказалось послѣ, были два «отборные (d'elites) эскадрона» конно-егерскихъ полковъ. Въ проводники Ланскому Гжицкій далъ Поручика Лисовскаго, бывшаго уже около Шумова, хорошо знавшаго дороги и вызвавшагося къ тому-же идти при отрядѣ охотникомъ.

Предписаніе Гжицкаго Полковникъ Ланской исполнилъ въ точности. Прибывъ съ отрядомъ и окруживъ Шумово, онъ

¹⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1606. Рапортъ Гжицкаго.

въ глухую, но свѣтлую полночь съ 8 на 9 января неожиданно атаковалъ непріятеля и выбилъ его на дорогу въ д. Глембочь, гдѣ казаки, отрѣзавъ французамъ отступленіе, ударили въ тылъ, тогда какъ съ другой стороны бросились на нихъ Харьковцы. Долго и отчаянно защищались французы; но, наконецъ, опрокинутые и смятые, стали, пробившись впередъ, отступать. Ихъ пустились преслѣдовать и гнали на разстояніи версты 7 до лѣса, начинавшагося вблизи м. Глембочь. Здѣсь французы, возстановивъ нѣкоторый порядокъ, повернули назадъ и отважно снова бросились въ битву. Окруженные со всѣхъ сторонъ, храбрые конно-егеря не хотѣли сдаваться. Они отчаянно рубились. Командовавшій ими капитанъ, весь израненный, долго боролся, воодушевляя своихъ егерей, пока мертвымъ не свалился съ лошади. Его эскадроны смѣшались и ряды ихъ быстро уменьшались въ числѣ, но все таки не хотѣли положить оружіе. Лишь только 36 человекъ, силою взятыхъ въ плѣнъ, уцѣлѣли изъ этихъ двухъ прекраснѣйшихъ эскадроновъ—остальные были убиты; 120 лошадей достались побѣдителямъ. Съ нашей стороны показана въ рапортѣ самая незначительная потеря: всего убитыми 3 нижнихъ чина и 3 лошади²⁾. Изъ нихъ на долю Харьковцевъ припала одна лошадь³⁾. Потеря наша можетъ показаться неправдоподобною, взявъ во вниманіе результаты боя, но, тѣмъ не менѣе, она вѣрна. Мѣсячные рапорты ошибаться или грѣшати умышленно не могутъ. Къ тому-же характера Наполеоновскихъ бюллетеней они не носятъ, и скрывать потери полкамъ нѣтъ основанія. О томъ-же, что непріятель защищался отчаянно, свидѣтельствуеетъ громадное число убитыхъ сравнительно съ взятыми въ плѣнъ, французы-же народъ не таковъ, чтобы позволить убивать себя, смиренно подставивъ головы; но въ бою бываютъ иногда удивительныя вещи, часто идущія въ разрѣзъ всякой логикѣ.

¹⁾ Ibidem; Мос. арх. оп. 152, св. 563.

²⁾ Ibidem—рапортъ Гжицкаго и мѣс. рап. пол.

Въ удачнои дѣлѣ подѣ Шумовымъ Харьковцами командовалъ ихъ полковой командиръ Подполковникъ Юзефовичъ. Своєю распорядительностью и умѣниемъ управлять въ бою, выжидая для того благоприятнаго момента, онъ болѣе другихъ способствовалъ успѣху экспедиціи. Отличились также въ числѣ другихъ поручики Плужанскій ¹⁾ и Лисовскій; послѣдній 24 того-же мѣсяца, командуя, въ качествѣ охотника, казаками, участвовалъ при уничтоженіи непріятельскаго драгунскаго эскадрона при д. Пески вмѣстѣ съ Полковникомъ Чернотубовымъ ²⁾.

22-го января полкъ участвовалъ въ нападеніи отряда Г.-М. Суворова на французовъ, занимавшихъ м. Островъ. Войска наши напали на городъ съ нѣсколькихъ сторонъ, выгнали оттуда непріятеля, чѣмъ и окончилось дѣло. Вслѣдствіе назначенія шефа командовать бригадою, Харьковцами и небольшою частью казаковъ командовалъ въ этотъ день Подполковникъ Юзефовичъ. При столкновеніи съ непріятелемъ онъ врубился съ 3-мя эскадронами Харьковцевъ въ толпы кавалеріи и пѣхоты и съ такимъ мужествомъ сталъ тѣснить ихъ, что непріятель очистилъ свой правый флангъ. Это дало возможность Юзефовичу съ Харьковцами первому ворваться въ мѣстечко и проложить путь къ его занятію всему отряду. За это лихое дѣло Подполковникъ Юзефовичъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 класса; при этомъ также ему засчиталось и отлічіе его подѣ Шумовымъ ³⁾. Въ день 22-го января полкъ потерялъ убитыми Вахмистра Магористаго и 11 лошадей; ранены были Прапорщикъ Михаилъ Зембровскій, нижнихъ чиновъ 11, изъ нихъ 2 тяжело, и 10 лошадей ⁴⁾.

29-го французы при м. Сѣбневѣ захватили въ плѣнъ съ пикета 2 юнкеровъ и 1 рядового съ лошадьми ⁵⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Воен. Уч. арх. I, № 1606.

³⁾ Ibidem, Мос. арх. оп. 152, св. 563 и его форм. спис.

⁴⁾ Мѣс. рап. пол.

⁵⁾ Ibidem.

4 февраля полкъ ходилъ подѣ г. Остроленку, на которую Эссенъ велъ только ложную атаку, желая облегчить отступление Волконскому, потерпѣвшему большое пораженіе на правомъ берегу Нарева. Подѣ Остроленкою Эссенъ встрѣтилъ большое сопротивленіе и, послѣ кровопролитнаго боя, долженъ былъ ретироваться къ Высоко-Мазовецку, преслѣдуемый французами. Отступление отряда до самой глубокой ночи прикрывали Харьковцы съ 4-мя конными орудіями подѣ командою Юзефовича. Въ этотъ день былъ раненъ Поручикъ Лисовскій пулею въ бокъ и очень тяжело Подпоручикъ Петръ Зембровскій—ему ядро вырвало правое колѣно, отчего онъ вскорѣ и умеръ. Лошадей было убито 3, ранено 8 ¹⁾.

Съ этого времени войска Эссена бездѣйствовали, за что онъ и былъ уволенъ отъ командованія. Его замѣнилъ Тучковъ I. Это бездѣйствіе, впрочемъ, было вызвано большимъ недостаткомъ въ продовольствіи, такъ какъ поставка его, порученная исключительно жидамъ, велась самымъ безобразнымъ образомъ. Войска были вынуждены сами искать себѣ пропитаніе и ѣли одинъ только картофель, находимый ими въ ямахъ, въ которыя жители того края имѣютъ обыкновеніе закапывать его на зиму. Продуктъ этотъ въ той бѣдной странѣ составляетъ почти единственную пищу. Лишенное и этого скуднаго пропитанія, населеніе пришло въ самое жалкое состояніе. Слѣдствіемъ голода явились заразительныя болѣзни; особенно умирали грудныя дѣти, такъ какъ матери не могли кормить ихъ отъ полнаго истощенія и безсилія. Всѣ населенныя пункты были разорены совершенно; даже соломенные крыши строеищ пошли на кормъ для лошадей, и дошли онѣ массаи отъ голода, когда даже этой скудной пищи не было на много верстъ кругомъ ²⁾.

Виновики-же всего этого разоренія края, страданія жителей и войскъ—жиды—подрядчики безнаказанно набивали

¹⁾ Ibidem и Воен. Уч. арх. I, № 1606.

²⁾ Михайловскій Дан. сл.

себѣ карманы, наслаждаясь несчастьемъ, что имъ удалось причинить ненавистнымъ «гоямъ», кои такъ были наивны, что вѣри продовольствіе войскъ разнымъ этимъ Герговицамъ, Боганамъ, несоставляющимъ среди этого недостойнаго народа печальнаго лишь исключенья.

Со времени битвы подъ Остроленкою до іюня полкъ находился въ полномъ бездѣйствіи, перемѣнивъ 9 лагерей. Гижичкій тогда, по распоряженію Г.-Ад. Миллера-Загамельскаго, сдалъ полкъ Юзефовичу и отправился въ Молдавію для командованія Винбургскимъ драгунскимъ полкомъ. Донося о томъ начальству, начальникъ дивизіи отзывался съ большою похвалою о дѣйствіяхъ шефа во время командованія имъ передовыми отрядами ¹⁾.

При отступленіи корпуса гр. Толстого къ Бѣлостоку, отрядъ силою въ 11 эскадроновъ, въ числѣ коихъ и Харьковскіе, былъ высланъ подъ начальствомъ Юзефовича форсированнымъ маршемъ изъ лагеря подъ м. Снедовымъ (11 іюня) къ м. Гонендзу. Юзефовичу было приказано, предупредивъ непріятеля, угрожавшаго по слухамъ нашему правому флангу, уничтожить всѣ переправы на Бобрѣ и задержать тѣмъ французовъ. По прибытіи въ Гонендзъ, Юзефовичъ занялъ своими эскадронами пространство отъ м. Осовца (не далеко отъ Гонендза) до г. Августова (9 миль). На Бобрѣ и вблизи непріятеля не оказалось. Вся тревога была основана лишь на слухахъ о немъ, повѣривъ которымъ, бѣжалъ въ Гродну стоявшій здѣсь прусскій баталіонъ и команда Волынскаго мушкетернаго полка въ Бѣлостокъ. Юзефовичъ поставилъ наблюдательные посты около Гонендза, ниже—на Осовецкой переправѣ и еще ниже, противъ д. Сосня, гдѣ некогда Карлъ XII переправилъ свои войска чрезъ Бобрѣ. Кромѣ того, по рѣкѣ посылались разъѣзды ²⁾.

¹⁾ Воен. Учен. арх. I, № 1589.

²⁾ Ibidem. Рапортъ Юзефовича Толстому.

15 іюня сдѣлано было нападеніе на отрядъ Юзефовича, но было отбито; въ Гонендзѣ былъ спасенъ провіантскій магазинъ, обильный запасомъ. Непріятель дѣлалъ попытку переправиться малыми частями и у Августова, но стоявшій здѣсь съ двумя Харьковскими эскадронами Поручикъ Нестелей, выказавъ большую распорядительность, не допустилъ французовъ перейти рѣку.

Во время пребыванія полка на Бобрѣ былъ заключенъ (27 іюня) Тильзитскій миръ, окончившій 2-ю войну съ Наполеономъ. Съ 31 октября полкъ находился уже на зимнихъ квартирахъ въ м. Зельвѣ (Гродненской губ.), гдѣ былъ размѣщенъ штабъ и одинъ эскадронъ; подъ свое расположеніе, не считая Зельвы, полкъ занялъ 12 окрестныхъ деревень и мѣстечекъ. Съ полкомъ прибылъ сюда пѣшій эскадронъ и запасный полуэскадронъ, присоединившіеся къ нему по дорогѣ.

Въ войнѣ 1807 года рядовой Кондратъ Козловъ за отличие, выказанное имъ въ разныхъ дѣлахъ, былъ награжденъ Знакомъ Отличія Военнаго Ордена, только что учрежденнымъ Императоромъ Александромъ I; имъ награждались нижніе чины лишь за военные подвиги. Орденъ этотъ соответствуетъ ордену Св. Георгія, коимъ награждаются офицеры за такіе-же подвиги; формою и изображеніемъ на немъ патрона всадниковъ онъ подобенъ первому. Такимъ образомъ, рядовой Козловъ былъ первымъ георгіевскимъ кавалеромъ изъ нижнихъ чиновъ Харьковского полка.

Глава XV.

Характеристика Г.-М. Гжицкаго.—Новый шефъ кн. Друцкой-Соколинскій.—Харьковский полкъ въ строевомъ отношеніи начинаетъ отставать отъ другихъ.—Походъ въ Галицію.—Многочисленные побѣги; причины ихъ вызывавшія.—Назначеніе шефомъ полка Юзефовича.

Въ февралѣ 1808 года Варфоломей Баэтановичъ Гжицкій сдалъ Харьковскій полкъ и ушелъ въ отставку. Онъ въ четырехлѣтній періодъ командованія, благодаря своей неизмѣнной заботливости, довелъ полкъ до отличнаго состоянія. Всѣ высшіе начальники, дѣлавшіе смотръ ему, единогласно давали о немъ самые лестные отзывы и превозносили его шефа. Хотя Гжицкому и не пришлось принимать участіе въ какихъ либо серьезныхъ столкновеніяхъ съ неприятелемъ, но, командуя передовыми отрядами, онъ все таки успѣлъ выказать и свои военныя способности. По отношенію къ подчиненнымъ ему офицерамъ шефъ держалъ себя безукоризненно и былъ любезенъ въ обращеніи съ ними. Изъ аттестаций и представленій офицеровъ къ наградамъ видна несомнѣнная забота о нихъ и желаніе выдѣлить свой полкъ. Въ дѣлѣ подъ Аустерлицемъ Харьковцы, руководимые Гжицкимъ, вели себя безупречно; подавляемые превосходными силами неприятеля, они принуждены были отступить, но, сдерживаемые шефомъ, совершили это, такъ сказать, съ достоинствомъ, медленно и въ порядкѣ; ни единый изъ его чиновъ не покинулъ рядовъ своихъ, примѣры чего были многочисленны ¹⁾. Это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о внутреннемъ

¹⁾ Мос. арх. 564; Воен. Уч. арх. I, № 4407. Подробный списокъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, самовольно ушедшихъ въ вагенбургъ, не бывъ даже ранеными, объявленъ былъ въ Высочайшемъ приказѣ.

порядкѣ и дисциплинѣ, царившихъ въ полку. Совмѣщая въ себѣ много хорошихъ качествъ, Гжицкій былъ только вспыльчивъ и горячъ и въ такихъ случаяхъ иногда забывался. Такъ, когда Харьковскій полкъ, находясь въ аррьергардѣ Баграціона, прикрывалъ спѣшное, если не сказать болѣе, отступление нашихъ войскъ чрезъ Выпау, Гжицкій, въ пылу гнѣва, ударилъ поашемъ своего адъютанта, Прапорщика Джежелева, и ранилъ его. Вѣроятно, адъютантъ не исполнилъ какого либо приказанія шефа, или передалъ его не вѣрно. При той громадной отвѣтственности, лежавшей на Гжицкомъ, при путаницѣ и суматохѣ, обычныхъ при спѣшномъ отступленіи войскъ, легко было потерять самообладаніе, а равно и не исполнить или перенутать какое либо наскоро отданное приказаніе. Хотя произведенное по этому слѣдствіе и выяснило, что Гжицкій ранилъ своего адъютанта неумышленно, но это могло служить оправданіемъ только до извѣстной степени. Джежелева-же обвинили въ злобномъ характерѣ, въ грубости и въ разглашеніи, будто Гжицкій ранилъ его на дуэль, вели арестованнаго пѣшкомъ въ границы Россіи и исключили потомъ изъ службы ¹⁾. Можетъ быть, Джежелевъ и былъ того достоинъ, только зачѣмъ-же шефъ предпочелъ его изъ числа другихъ офицеровъ, назначилъ адъютантомъ и держалъ при себѣ? Трудно допустить, чтобы командиръ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не могъ-бы оцѣнить по достоинству каждаго изъ своихъ подчиненныхъ. Во всякомъ случаѣ, Гжицкій въ числѣ командировъ Харьковскаго полка долженъ занять видное и почетное мѣсто. Послѣ Чорбы ихъ было десять, и Гжицкій по своимъ всестороннимъ достоинствамъ стоитъ много выше всѣхъ ихъ.

Гжицкій сдалъ полкъ Г.-М. кн. Елиферію Васильевичу Друцкому-Соколинскому, человѣку еще молодому (37 лѣтъ), происходившему изъ стариннаго княжескаго рода, отрасль кн. Друцкихъ, ведущихъ свое начало отъ князей Полоцкихъ.

¹⁾ Мос. арх. оп. 151, № 306.

Службу новый шефъ началъ въ Л.-Г. Конномъ полку и изъ вахмистровъ былъ выпущенъ въ армію капитаномъ. Послѣ его предшественника полкъ Харьковскій нѣкоторое время продолжалъ быть въ такомъ-же отличномъ состояніи, до котораго его довелъ Гижичкій. Изъ рапортовъ начальника 10 дивизіи Г. Левиза (1809 г.), дѣлавшаго смотръ, видно, что онъ остался имъ доволенъ, хотя выраженія въ его отчетѣ «надлежащій порядокъ», «къ службѣ годенъ»—были уже не такъ лестны для полка. Но тотъ-же Левизъ, спустя нѣкоторое время, въ рапортѣ своемъ къ Голицыну (командовавшему корпусомъ) доносилъ, что ему приходилось часто дѣлать замѣчанія кн. Друцкому-Соколинскому за разныя улуценія по службѣ въ Харьковскомъ полку, за безпорядки и объявлять о томъ даже два раза въ приказѣ по дивизіи ¹⁾. Подобныя-же замѣчанія дѣлалъ шефу и бригадный командиръ Васильчиковъ. Левизъ одинъ свой рапортъ заканчиваетъ такъ: «по истинѣ за тѣмъ смѣю доложить, что полкъ сей со времени командованія кн. Друцкого-Соколинскаго противу прежняго его состоянія дѣйствительно во многихъ частяхъ началъ отставать». Хотя и Подполковникъ Юзефовичъ, прекрасный помощникъ, былъ прежній, и эскадронные командиры, офицеры и солдаты тѣ-же, а полкъ все таки въ такое короткое время сталъ слабѣть. Отсюда сама собою вытекаетъ давно извѣстная, впрочемъ, истина, какое громадное значеніе имѣетъ начальникъ на подчиненныхъ. Кн. Друцкой-Соколинскій прокомандовалъ полкомъ не долго—въ 1810 году онъ былъ уже отчисленъ состоять по арміи. Еще за годъ предъ этимъ онъ отказывался отъ полка, прося позволенія уѣхать въ Петербургъ, «не бывши въ силахъ сносить долге напрасныхъ отъ меня (такъ писалъ Левизъ въ своемъ рапортѣ) притѣсненій и убѣгая, чтобы не попасть и больше у начальства въ дурное замѣчаніе» ²⁾.

¹⁾ Мос. арх. оп. 152, № 433.

²⁾ Ibidem.

Харьковскій полкъ въ 1809 году принялъ участіе въ походѣ въ Австрію. На этотъ разъ Россія выступила совмѣстно съ Наполеономъ противъ нея, обратившись, такимъ образомъ, изъ недавняго союзника во врага. Полкъ изъ г. Кобринъ (въ немъ онъ находился съ ноября 1808 года) выступилъ въ походъ въ числѣ 4-хъ эскадроновъ по составу военного времени, 686 человекъ всѣхъ чиновъ (до комплекта недоставало 35 человекъ) и 579 лошадей, изъ коихъ 60 было негодныхъ къ службѣ. Эскадронъ Маіора Адамова вышелъ въ составъ резервнаго корпуса, а запасный полубатальонъ остался на квартирахъ. Полкъ состоялъ въ арміи Голицына, въ дивизіи Левиза и въ бригадѣ Васильчикова.

Война для русскаго войска была безкровная и свелась только къ занятію Галиціи и къ походамъ въ предѣлы созданнаго Наполеономъ Герцогства Варшавскаго. Мирный договоръ былъ подписанъ 28 сентября—онъ вскорѣ послужилъ поводомъ къ недоразумѣніямъ между Императорами Александромъ и Наполеономъ.

Харьковскій полкъ пробылъ въ Галиціи съ 23 мая по 22 ноября. Въ продолженіи этого времени изъ полка убыло 2 нижнихъ чина умершими и 47 (въ 4-хъ эскадронахъ) бѣжавшими (изъ дивизіи 362, умерло 100) ¹⁾. Это громаднѣйшее число побѣговъ объяснялось тѣмъ, что въ полкахъ было очень много нижнихъ чиновъ—поляковъ изъ присоединенныхъ областей и что старые солдаты, прослужившіе даже болѣе 25 лѣтъ, не увольняемые въ отставку, убѣгали, потерявъ всякую надежду возвратиться когда либо въ свои семейства. Жаловались также солдаты и на то, что получали очень маленькое жалованіе и, при томъ ассигнаціями, которыя теряли на половину свою стоимость при размѣнѣ на серебро, исключительно бывшее въ обращеніи въ Галиціи. Большимъ соблазномъ для солдатъ-поляковъ было находившееся по близости Варшавское Герцогство, гдѣ ихъ охотно принимали—или на

¹⁾ Ibidem.